

Женский исторический роман

ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ НАС

Мэри
ДЖОНСТОН

Женский исторический роман

Мэри Джонстон

Пока смерть не разлучит нас

«ВЕЧЕ»

Джонстон М.

Пока смерть не разлучит нас / М. Джонстон — «ВЕЧЕ»,
— (Женский исторический роман)

ISBN 978-5-4444-7539-3

Первые колонисты в американской Виргинии в XVII веке. Главная героиня — юная аристократка — бежит из Англии, где ее принуждали выйти замуж без любви. Ее руку король Иаков I обещал своему фавориту, лорду Карнэлу, который спешит на поиски беглянки. В диких лесах Нового Света героиню ждут опасные приключения и, конечно, любовь. Многие персонажи романа являются реальными историческими лицами — от первых поселенцев до Покахонтас, дочери индейского вождя, спасшей жизнь основателю Виргинии Джону Смит.

ISBN 978-5-4444-7539-3

© Джонстон М.
© ВЕЧЕ

Содержание

Глава I, в которой я бросаю кости	6
Глава II, в которой я знакомлюсь с мастером Спэрроу	11
Глава III, в которой я поспешно женюсь	16
Глава IV, в которой я мог бы пожалеть о своей поспешности	21
Глава V, в которой женщина добивается своего	27
Глава VI, в которой мы едем в Джеймстаун	32
Глава VII, в которой мы готовимся к сражению с испанцами	37
Глава VIII, в которой на сцене появляется лорд Карнэл	43
Глава IX, в которой двое пьют из одного кубка	49
Глава X, в которой мастер Пори тянет время	57
Глава XI, в которой я знакомлюсь с итальянским доктором	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джонстон Мэри

Пока смерть не разлучит нас

Отважный капитан Рэйф Перси с первого взгляда влюбляется в довольно странную особу, не похожую на ту, о которой он мог бы мечтать в диких лесах Виргинии, в Джослин Ли – гордую аристократку, сбежавшую под именем своей горничной из Англии, где ее «попытались приневолить», вынуждая выйти замуж не по любви. Неожиданно на сцене появляется и лорд Карнэл – новый фаворит короля Иакова I, приплывший на землю Виргинии в поисках красавицы Джослин, рука которой была обещана ему самим королем, ее опекуном. Привезенное им письмо Его Величества гласит, что леди Джослин надлежит отправить обратно в Англию со всем почетом, а ее нынешнего мужа, если она все-таки вышла замуж, закованным в цепи...

Глава I, в которой я бросаю кости

Закончив дневные труды, я сел на ступеньке крыльца моего дома, чтобы выкурить трубку и немного отдохнуть в вечерней прохладе. Тишина могилы, и та не превзойдет безмолвия этого края – Виргинии, когда солнце только что зашло, под деревьями сгущается тьма и на небе одна за другой медленно загораются звезды. Певшие весь день пичужки затихли, а рогатые совы, гигантские лягушки и странные, издающие зловещие крики птицы, которых мы, англичане, называем козодоями (если только это и вправду птицы, а не погибшие души, как утверждают иные), еще молчат. Позже в лесу завоют волки и зарычат пумы, но сейчас оттуда не доносится ни единый звук. Ветер стих, а с ним и не умолкавший весь день шелест листьев. Едва слышный плеск воды в прибрежном тростнике похож на дыхание человека, задремавшего за ночной молитвой над покойником.

Я смотрел, как догорают на воде последние отблески заката и широкая гладь реки становится мертвенно-сизой. Только что, и много вечеров до того, она была алой, точно в русле текла кровь.

Неделю раньше в ночи пронесся огромный метеор, бородатый и кроваво-красный, оставив в небе долго не угасавший огненный след. Луна в ту ночь тоже была кроваво-красной, и на ее диске виднелась тень, на удивление походившая на нож для снятия скальпов. Посему назавтра, в воскресенье, добрый мастер¹ Стокхэм, пастор нашей церкви в Уэйноке, призвал нас в своей проповеди быть начеку и помолился о том, чтобы среди индейских подданных короля Англии Иакова I² не поднял голову мятеж. В церковном дворе, куда мы вышли после службы, самые боязливые принялись толковать о дурных знамениях и поминать давние истории о том, как краснокожие изводили нас во время Великого голода³. Более смелые подняли их на смех, однако женщины расплакались и съезжились от страха, а я хоть и смеялся, но вспомнил нашего первого предводителя, Джона Смита⁴, который никогда не доверял дикарям, и особенно их нынешнему императору Опечанканоу. Смит не уставал повторять, что краснокожие бодрствуют, когда мы спим, что коварству они могли бы поучить иезуита, а их умению выждать удобный случай позавидовала бы кошка, притаившаяся возле мышиной норы. Я подумал о том, что теперь мы с этими язычниками на короткой ноге; о том, что нынче они бесцеремонно толкуются среди нас, выведывая наши слабости и постепенно утрачивая тот благотворный страх, который вселил в их души доблестный капитан Смит; о том, сколь многих из них ленивые поселенцы нанимают к себе охотниками, чтобы, не охотясь, иметь на столе оленину; о том, как, открыто нарушая закон, мы даем им ножи и оружие в обмен на меха и речной жемчуг, в то время как их император постоянно убаюкивает нас лстивыми посланиями; о том, что на губах у них улыбка, а в глазах – вражда.

Когда на склоне того дня, с которого началась эта история, я ехал домой, из-за упавшего поперек дороги дерева поднялся голый меднокожий индейский охотник и предложил доставлять мне мясо с месяца кукурузы по месяц оленей в обмен на мушкет. Приязни между дика-

¹ В современном английском языке вместо master (мастер) употребляется mister (мистер, господин). – Здесь и далее примечания переводчика.

² Иаков I (1566—1625) – английский король с 1603 г., шотландский король с 1567 г. из династии Стюартов, сын Марии Стюарт. Имел фаворитов мужчин, самым известным из которых был герцог Бэкингем.

³ За семь месяцев после высадки в Виргинии из 105 колонистов 73 умерли от голода и болезней.

⁴ Смит, Джон (1580—1631) – английский моряк, исследователь, основатель колонии Виргиния (Вирджиния) и ее первый летописец, один из основателей Джеймстауна, первого постоянного английского поселения в Северной Америке. В мае 1607 г. в числе первых поселенцев высадился в Америке. В декабре 1607 г. был захвачен в плен индейцами-алконкинами. От смерти его спасла тринадцатилетняя дочь вождя Паухатана (Покахонтас). Осенью 1608 г. Смит был избран председателем колониального совета Виргинии; на этом посту он буквально спас колонистов от голода, договорившись с индейцами о покупке кукурузы. В 1614 г. обследовал и нанес на карты побережье, которому дал название Новая Англия.

рями и мною не было никакой, так что вместо ответа мне довольно было назвать индейцу свое имя. Затем, миновав его, застывшего словно темное каменное изваяние в густой тени леса, я пришпорил коня (его прислал мне в прошлом году мой кузен Перси) и вскоре подъехал к своему дому, бедному и непритязательному, но стоящему на приветливом зеленом склоне и окруженному полями маиса и табака. Поужинав, я велел привести к себе двух индейских мальчишек, купленных мною у их племени на Михайлов день, и за незначительную оплошность крепко отодрал их обоих, памятуя излюбленную поговорку командира, под чьим началом я когда-то воевал: «Бей первым, чтоб не пришлось отбиваться».

В тот июньский день 1621 года, сидя на пороге с длинной трубкой в зубах и глядя на серую реку внизу, я был настолько поглощен своими мыслями, что не заметил, как на расчищенное пространство перед палисадом⁵ выехал из леса всадник. И лишь когда до меня донесся его голос, я понял, что за частоколом дожидается мой добрый друг Джон Ролф⁶ и хочет со мной поговорить.

Я спустился к воротам, снял запор, пожал Ролфу руку и ввел его лошадь во двор.

– Вот это осторожность! – заметил он со смехом и, спешившись, добавил: – Ну скажи, кто, кроме тебя, запирает теперь после захода солнца свои ворота?

– Это вместо вечернего выстрела из пушки⁷, – ответил я, привязывая его лошадь.

Он обнял меня за плечи, и мы, поднявшись по пологому травянистому склону, подошли к дому. Потом я принес Ролфу трубку, и мы сели рядом на ступеньке крыльца.

– О чем ты гредишь? – спросил он, когда над нами повисло большое облако табачного дыма. – Я уже дважды тебя окликал.

– Я тосковал по временам и порядкам сэра Томаса Дэйла⁸.

Ролф рассмеялся и коснулся моего колена рукой, белой и гладкой, как у женщины, украшенной кольцом с зеленым камнем, которое он носил на указательном пальце.

– О Рэйф, ты воплощенный Марс! – воскликнул он. – Воин до кончиков ногтей. Хотел бы я знать, что ты станешь делать, когда попадешь в рай? Начнешь там заварушку? Или попросишь выписать тебе каперское свидетельство⁹, дабы сразиться с князем тьмы?

– В рай я пока еще не попал, – ответил я сухо. – А до тех пор мне хотелось бы сразиться с другим противником – с твоей индейской родней.

Он засмеялся, потом вздохнул, подпер ладонью подбородок и, тихонько постукивая ногой по земле, погрузился в раздумья.

– Как бы я хотел, чтобы твоя принцесса¹⁰ была жива! – сказал я, нарушив молчание.

⁵ Палисад – в старинных укреплениях – препятствие из заостренных сверху толстых бревен в виде частокола. Скорее всего, Смит заимствовал эту систему укрепления у донских казаков, а русские бревенчатые избы стали образцом построек первых американских поселенцев.

⁶ Ролф, Джон (1585—1622) – английский поселенец из Джеймстауна. В 1614 г. женился на дочери индейского вождя Покахонтас. Его методы выращивания табака способствовали процветанию хозяйства Виргинии. По одной из версий, Ролф был убит во время нападения индейцев из конфедерации племен паухатан на поселение колонистов.

⁷ Военно-морской обычай. При спуске флага вечером на кораблях английского военно-морского флота производился пушечный выстрел.

⁸ Дэйл, сэр Томас – в 1611 и 1616 гг. губернатор Виргинии. Его правление характеризовалось исключительной строгостью порядков. Во время его правления был разработан первый Свод законов Виргинии, законов весьма суровых, написанных по большей части им самим. Большой заслугой Дэйла были его экономические реформы. В 1613 г. он отменил общинное землепользование, оказавшееся неэффективным, и отвел по 3 акра (12 000 м²) первым поселенцам и участки поменьше тем, кто приехал позже. Производство продовольствия тут же увеличилось, а в следующем, 1614 г. Джон Ролф сумел вырастить на своем участке гибридный табак, который обеспечил колонии безбедное существование.

⁹ Каперство – нападение частных судов воюющего государства, получивших каперские свидетельства, на торговые суда враждебной страны или суда нейтральных государств, перевозящих для нее грузы.

¹⁰ Речь идет о Покахонтас (1595—1617), дочери Паухатана, вождя индейских племен. Она спасла жизнь основателю Джону Смит, была в плену у англичан, обращена ими в христианство и наречена Ребеккой, а в 1614 г. вышла замуж за поселенца Джона Ролфа. В 1609 г. ее отцу Паухатану англичане вручили корону как королю, после чего Покахонтас стали называть принцессой. В 1616 г. она вместе с мужем поехала в Англию, где была с почестями представлена королю и королеве. В честь нее

– И я бы этого хотел, – тихо отозвался он, – всей душой... – Сцепив руки на затылке, он откинул голову назад и обратился к вечерней звезде. – Смелая, умная, нежная... Поверь, Рэйф, если бы я не надеялся встретить ее снова вон за той звездой, я не смог бы сейчас улыбаться и говорить с тобою так спокойно.

– Для меня это звучит странно, – сказал я, вновь набивая трубку. – Любовь к товарищам по оружию, любовь к командиру, конечно, если он того стоит, любовь к лошади или собаке – это я понимаю. Но любовь к жене? Взвалить на себя обузу только потому, что у нее гладкая бело-розовая или смуглая оболочка и изящная форма? Даже подумать тошно!

Ролф рассмеялся снова.

– А ведь я приехал как раз для того, чтоб уговорить тебя жениться!

– Благодарю за труды, – отвечал я, выпуская колечки дыма.

– Когда я выезжал сегодня из ворот Джеймстауна, – продолжал он, – я был – клянусь честью! – единственным, кому пришла охота покинуть городские пределы. Все прочие, я имею в виду людей неженатых, толпой валили внутрь.

По пути сюда мне на каждой миле попадались холостяки, все как один разодетые в пух и прах и со всех ног спешащие в город. А сколько на реке лодок! В иные дни их не увидишь столько и на Темзе.

– На реке сегодня и впрямь было оживленнее, чем обычно, – согласился я, – но я был занят в поле и не обратил на то особого внимания. Итак, что за путеводная звезда вдруг зажглась над Джеймстауном?

– Та звезда, что влечет нас всех и приводит одних к гибели, а других – к неизъяснимому блаженству. Женщины!

– Хм! Стало быть, девушки уже здесь?

Ролф кивнул:

– Да. В гавань прибыл прекрасный корабль с прекрасным грузом.

– *Videlicet*¹¹ что-то около сотни служанок и молочниц, за честность которых поручился лорд Уорик.

– Уорик не имел касательства к этому делу. Девушек, как ты и сам отлично знаешь, прислал нам Эдвин Сэндз!¹² – не без горячности возразил Ролф. – Его речам можно верить, поэтому я не сомневаюсь в их целомудрии. Что же до их красоты, то ее я могу засвидетельствовать сам, потому что видел их, когда они сходили на берег.

– Пусть они красивы и целомудренны, – сказал я, – однако они низкого происхождения.

– Не спорю, – ответил он. – Но в конце концов, какое это имеет значение? Нищим не приходится привередничать. Земля эта новая, ее надо заселить, а будущие поколения не станут слишком уж придирчиво изучать родословную тех, кому нация обязана своим рождением. Нам, жителям здешних плантаций, нужно ослаблять узы, связывающие нас с отечеством, и укреплять другие, соединившие нас с землей, где мы поселились. Мы же возложили руку свою на плуг, но, подобно евреям, которых Моисей вывел из плена египетского, все озираемся на Англию, наш Египет, и сетуем, что там нам жилось лучше и сытнее. Уверяю тебя, Рэйф, только дети и жена – будь она принцесса или крестьянка – могут сделать дикую пустыню домом и золотой цепью приковать мужчину к земле, на которой он живет. Поэтому, когда в полдень я повстречал преподобного Уикхэма, плывшего на веслах из Хенрикуса в Джеймстаун, чтобы

в Лондоне были устроены празднества. Вскоре заболела оспой и умерла. От ее сына, Томаса Ролфа, ведут свое происхождение многие известные виргинские семьи.

¹¹ А именно, то есть (лат.).

¹² Сэндз, сэр Эдвин (1561—1629) – английский государственный деятель, один из основателей Лондонской Виргинской компании. Способствовал учреждению первого в Виргинии представительного органа – Палаты депутатов. Также содействовал основанию первой английской колонии в Плимуте, Массачусетс, в 1620 г., дав отцам-пилигримам беспроцентную ссуду в 300 фунтов. Его целью было не увеличение прибыли Виргинской компании, а основание в Америке постоянных английских поселений, решение проблемы перенаселения в Англии и расширение рынка сбыта английских товаров.

завтра помочь преподобному Баку в совершении бракосочетаний, я пожелал ему счастливого пути и подумал, что он делает благое дело, угодное Господу.

– Аминь, – заключил я. – Я и так люблю эту землю и зову ее своим домом. Так что твои намеки ко мне не относятся.

Ролф встал и принялся ходить взад и вперед по траве перед крыльцом. Я взглянул на его стройную фигуру в темной, но богатой одежде, затем перевел взгляд на свое собственное платье, потрепанное и покрытое пятнами, и вдруг почувствовал досаду.

– Рэйф, – заговорил он снова, остановившись передо мной, – есть ли у тебя сто двадцать фунтов табака? Если нет, то я...

– Табак у меня есть, – ответил я. – Что дальше?

– А вот что: завтра на рассвете воспользуйся отливом, поплыви в город и, заплатив табаком, возьми в жены одну из этих странствующих девиц.

Я воззрился на него в изумлении, затем разразился смехом, к которому немного погодя с неохотой присоединился и он. Когда я наконец отсмеялся и вытер выступившие на глазах слезы, было уже совсем темно, в тишине раздавались жалобные крики козодоев, и Джону надо было без промедления вновь пускаться в путь.

– Прими мой совет, Рэйф, это совет друга, – сказал он, подобрал поводья, коснулся шпорами боков своего коня, потом обернулся и крикнул: – Решай, когда выспишься, – ведь утро вечера мудренее! Надеюсь в следующий раз увидеть за твоей спиной юбку!

– Ты можешь с тем же успехом надеяться увидеть юбку на мне, – ответил я.

Однако, когда он уехал, а я, поднявшись по косогору, вошел в дом, меня охватила странная тоска, оттого что жилище мое так уныло, и бессмысленная злость, оттого что никто меня здесь не ждет. Да и кому меня ждать, кому радоваться моему возвращению? Некому, разве что собакам и белке-летяге, которую я поймал и приручил. Добравшись ощупью до угла комнаты, я взял из сложенного там запаса два факела, зажег их, воткнул в отверстия, просверленные в каминной полке, и, стоя под их ярким пламенем, с внезапным отвращением обзрел освещаемый ими беспорядок. Огонь в камине погас, оставив за собой золу и тлеющие уголья; на столе, неубранные, сохли остатки моего ужина, а на немытом полу валялись обглоданные кости, которые во время еды я бросал собакам. Всюду царили грязь и запустение; только на моих доспехах, шпаге, мушкете, охотничьем ноже и кинжале не было видно ни единого пятна. Я поглядел на мое оружие, праздно висящее на стене, и почувствовал, что всей душой ненавижу эту «пору музыки и мирного веселья»¹³ и вновь жажду сражений и дыма бивачных костров.

Досадливо вздохнув, я смахнул со стола объедки и, взяв с полки, на которой хранилась моя небогатая библиотека, стопку сочинений мастера Уильяма Шекспира (их собрал для меня Ролф во время своей последней поездки в Лондон), начал читать. Но история вдруг показалась мне скучной и истертой частым повторением. Я отшвырнул книжку в сторону и, вынув из кармана игральные кости, принялся раз за разом бросать их. Я высыпал их на стол лениво, почти не глядя на выпадающее число очков, и мне виделась та хижина лесника в Англии, где ребенком, до того как убежать на войну в Нидерландах, я провел немало счастливых часов. Я снова видел жаркий огонь в очаге, отражающийся в начищенной до блеска посуде, слышал веселое жужжание прялки, и снова мне улыбалась дочь лесника. Старый серый замок, где величественная дама – моя мать – вечно вышивала гобелен и деспотичный старший брат вышагивал взад и вперед по залу, окруженный своими гончими, был для меня в куда меньшей мере домом, чем эта маленькая приветливая хижина. Завтра мне исполнится тридцать шесть лет. Покамест на верхних гранях игровых костей все время выпадало большое число очков. «Если сейчас

¹³ У. Шекспир, «Ричард III», акт I, сцена 1. «Глостер: Чем – в эту пору вялых наслаждений, и музыки, и мирного веселья, – чем убивать свое я буду время?» – Пер. А. Дружинина.

на каждой кости выпадет по единице, – сказал я вслух, улыбаясь своей причуде, – то будь я проклят, если не последую совету Ролфа и не женюсь!»

Я встряхнул коробку с костями, со стуком поставил ее на стол, поднял и с вытянувшимся лицом увидел то, что под нею скрывалось. Больше я не бросал костей, а сразу же потушил свет и лег спать.

Глава II, в которой я знакомлюсь с мастером Спэрроу

Не в моих правилах давать пустые клятвы. На небе еще блестели звезды, когда я вышел из дома, переговорил в хижине работников со своим слугой Диконом, быстрым шагом прошел через ворота к причалу, отвязал свою лодку, поднял парус и поплыл вниз по течению. Дул свежий попутный ветер, и лодка, скользя сквозь серебристый туман, стремительно неслась на восход. Небо до самого зенита окрасилось бледно-розовым; потом взошло солнце и выпило весь туман. Река засверкала, заискрилась, с одетых изумрудной зеленью берегов веяло запахом леса и слышалось пение птиц; по небу, теперь уже ярко-голубому, плыли кудрявые редкие облака. Я вспомнил тот день тринадцать лет назад, когда белые люди впервые поднялись по этой реке. Каким спокойным и величественным нам, гонимым бурей искателям приключений, показался тогда этот широкий поток, какими прекрасными – его берега, как радостно было нам вдыхать струящиеся оттуда ароматы и видеть чудесные цветы! Какими огромными казались нам незнакомые деревья и какими странными – раскрашенные дикари. Мы думали, что перед нами рай или по меньшей мере легендарные Счастливые острова. Но как скоро осознали мы свое заблуждение!

Я сидел на корме, полузакрыв глаза и небрежно придерживая рукою румпель, и передо мною воскресали картины наших бесчисленных невзгод и немногих радостей. Набеги индейцев; раздоры и борьба среди правителей колонии; преследование людей достойных и возвышение лжецов и негодяев; бесплодные и утомительные поиски золота и пути к Южному морю; ужасы чумы и превзошедший их ужас Великого голода; прибытие в гавань «Терпения» и «Избавления» (при виде этих кораблей из Англии, принесших нам спасение от голодной смерти, все мы, выжившие, плакали, как дети); приезд нового губернатора – Дэйла и введение им законов военного времени, суровых, но благотворных, с которыми я, служивший в армии Мориса Оранского¹⁴, был хорошо знаком; следовавшие за этим добрые времена, когда светские бездельники, только и знавшие, что играть в кегли, были наконец поставлены на место, когда в Виргинии основывались города, возводились форты и проповедовалось Евангелие; свадьба Ролфа и его смуглой принцессы; экспедиция Аргалла (в которой среди прочих принял участие и я) и его изобилующее несправедливостями правление; триумфальное возвращение из Лондона нашего нынешнего губернатора, Джорджа Ирдли (отныне он был сэром Джорджем, ибо король посвятил его в рыцари) и тот бесценный дар, который он привез нам – право избирать наше собственное законодательное собрание – Палату депутатов. Все это и многое другое: старые друзья, старые враги, давние козни и распри – оживало в моей памяти, в то время как течение и ветер несли меня все дальше. О том, что ожидало меня впереди, я предпочитал не задумываться, полагая, что «довольно для каждого дня своей заботы»¹⁵.

Река была пустынна. На верховой тропке, идущей вдоль берега, я не увидел ни одного всадника, лодки попадались редко, да и в тех плыли только индейцы, кабальные слуги или глубокие старики.

Ролф был прав: все молодые и свободные мужчины с плантаций еще с вечера устремились в город, чтобы вступить в законный брак. Чеплейнз Чойс словно вымер; поселок Пирси, казалось, беспробудно спал под лучами солнца, на его пристани не было видно ни души, и только на табачных полях вяло копошились несколько человеческих фигурок. Даже в индейских деревнях остались одни лишь женщины и дети, поскольку все воины отправились в Джеймстаун,

¹⁴ Морис Оранский (1567—1625) – граф, с 1585 г. статхаудер, т. е. глава исполнительной власти в Республике Соединенных провинций, существовавшей на освобожденной от испанцев территории Нидерландов в XVI—XVIII вв. Полководец, военный реформатор, одержал ряд побед над испанскими войсками.

¹⁵ Евангелие от Матфея, 6:34.

чтобы посмотреть, как бледнолицые будут покупать себе жен. Вниз по течению от Паспа-хега мою лодку нагнал утлый челнок. Плывший в нем молодой Хэймор поздоровался со мной.

– Девушки прибыли! – крикнул он. – Ура! – И вскочил на ноги, изо всех сил махая шляпой.

– Да, – сказал я, – о цели твоего путешествия можно догадаться по твоим штанам. Не те ли это рейтузы, что некогда были персикового цвета?

– Да, черт возьми! – отвечал он, самодовольно оглядев свои когда-то щегольские, а теперь уже изрядно потасканные одежды. – Свадебный наряд, капитан Перси, свадебный наряд!

Я засмеялся:

– Долго же ты мешкал, жених! А я-то думал, что все холостяки этой части земного шара провели ночь в Джеймстауне.

С лица Хэймора сбежала улыбка.

– Знаю, – сказал он уныло. – Но на моем камзоле было больше прорех, чем модных разрезов, и портной отдал мне его только на рассвете. Этот молодчик теперь купается в табаке – с тех пор, как корабль с девушками вошел в гавань, он нажил состояние на подновлении нашего оскудевшего гардероба. Ну да ничего, – тут Хэймор просветлел лицом, – все равно стовариваться с девушками можно будет только около полудня, когда закончатся торжественное богослужение и благодарственный молебен. Так что время у меня есть! – И, помахав на прощание шляпой, он на своей узкой лодке с огромным парусом обогнал меня и поплыл прочь.

Я посмотрел на солнце, которое, по правде сказать, стояло еще невысоко, и в глубине души ощутил беспокойство – ибо до встречи с Хэймором продолжал малодушно надеяться, что в конце концов я прибуду в город слишком поздно и петля, затягивавшаяся на моей шее, развяжется сама собой. Ветер и начавшийся прилив мешали мне плыть быстро, и к полуострову, на котором стоит Джеймстаун, я приблизился лишь через час, дивясь тому, как много теснится у берега лодок и других судов. Казалось, здесь собраны все шлюпы, баркасы, каное и долбленые индейские челноки, какие только можно сыскать между Пойнт-Камфортом и Хенрикусом; над ними возвышались мачты стоящих в гавани «Мармадьюка» и «Подмоги», а также большого корабля, доставившего нам из Англии этих продажных голубиц. Река с пританцовывающими на волнах судами, голубое небо, яркое солнце, раскачиваемые ветром зеленые деревья, веселая суতোлка на улице, толпящиеся на рыночной площади нарядные кавалеры – зрелище это было красиво и приятно для глаз. Я направил лодку в просвет между шлюпом главы сотни Шерли и каное вождя племени нансмонд, и в эту минуту зазвонили оба наших новеньких церковных колокола и грянула барабанная дробь. Я сошел на берег, и поле моего зрения сразу же сузилось: теперь я мог видеть лишь тех, кто сгрудился на берегу и отходящей от него улице. Едва ударили в колокола, как все они повернулись и дружно зашагали в сторону рынка. Я пошел вместе с толпой, толкаясь среди холостяков, одетых кто в бархат, кто в дешевый коленкор, среди голых, фантастически размалеванных дикарей, среди юнцов, все достояние которых ограничивалось надетым на них платьем, и топча табак, которым жадные до наживы горожане засадили даже улицу. На площади я остановился перед домом губернатора и очутился нос к носу с мастером Пори¹⁶, секретарем колонии и спикером нашей Палаты депутатов.

– А, Рэйф Перси! – воскликнул он, кивнув мне седой головой. – Я вижу, из всех молодых джентльменов округа только мы двое сохранили здравый рассудок! Все остальные посходили с ума!

– Я тоже не избежал поветрия, – сказал я, – и встал в ряды полоумных.

Он ошеломленно уставился на меня, потом разразился хохотом.

¹⁶ Пори, Джон (1572—1636) – английский администратор, путешественник и литератор. В конце 1619 г. отправился в Виргинию в качестве секретаря ее губернатора сэра Джорджа Ирдли. В Виргинии был первым спикером Палаты депутатов. В 1620 г. исследовал Чезапикский залив. Один из первых английских журналистов.

– Вы что же это, серьезно? – спросил он, держась за свои толстые бока. – Неужели и Саул во пророках?¹⁷

– Да, – отвечал я, – вчера я загадал «да или нет» и бросил кости. И на них – чтоб им пропасть! – выпало «да».

Мастер Пори опять залился смехом:

– Нечего сказать, хороший свадебный наряд вы для себя выбрали! Ведь сегодня пастухи и те щеголяют в ярких шелках.

Я опустил глаза и, взглянув на свои изрядно поношенные камзол и штаны из буйволовой кожи, на сапоги, которые я так и не удосужился почистить с тех пор, как на прошлой неделе, возвращаясь из Хенрикуса, завяз в болоте, пожал плечами.

– Плохо ваше дело, сколько бы вы ни увивались возле девушек, – продолжал наш спикер, вытирая выступившие на глазах слезы, – ни одна из них на вас даже не взглянет.

– Что ж, в таком случае они так и не увидят настоящего мужчину, а одних только хлыщей, – отрезал я. – А я не слишком огорчусь.

Тут из толпы послышался приветственный рев, затем раздался колокольный трезвон и еще оглушительнее – дробь барабана. Двери стоящих вокруг площади домов распахнулись, и из них начали появляться девушки, которых расквартировали там на ночь. Группами по двое и по трое, одни – торопливо и потупившись, другие – неспешно, без стеснения разглядывая толпящихся мужчин, они собрались в центре площади, где их ожидали преподобный мастер Уикхэм и преподобный мастер Бак из Хенрикуса, в стихарях и при белых воротничках. Я глазел на девиц вместе с остальными, но в отличие от них – молча.

До прибытия вчерашнего корабля в нашем американском Эдеме было, если не считать дикарей, ни много ни мало несколько тысяч Адамов и всего лишь около шести десятков Ев. Причем в большинстве своем эти Евы были почтенные домохозяйки: либо толстые и хлопотливые, либо высохшие и сварливые, такого солидного возраста и опыта, что их не провел бы и сам библейский змей. Иное дело – Евы вновь прибывшие. Девяносто стройных нарядных фигурок; девяносто молодых миловидных лиц, бело-розовых или золотисто-смуглых, но с одинаковым здоровым румянцем на щеках; девяносто пар блестящих глаз, зазывных и задорных или стыдливо опущенных, так что были видны пушистые ресницы; наконец, девяносто сочных алых губ – и вот уже охрипшую от криков толпу холостяков стало невозможно сдерживать и, презрев дубинки судебного пристава и его помощников, точно это были легкие соломинки, они устремились к предприимчивым красоткам и в мгновение ока смяли первые их ряды. Задышающиеся от нетерпения юнцы хватали сопротивляющихся прелестниц кто за руку, кто за локоть, пытаясь увлечь их за собою; иные старались сорвать поцелуй или падали на колени и тут же начинали в самых напыщенных выражениях изливать свою страсть. Были и такие, кто сразу пускался перечислять свои богатства: земли, запасы табака, кабальных слуг, мебель и прочий домашний скarb.

Все смешалось; отовсюду слышались громогласные признания, испуганные возгласы, истерический смех. Блюстители порядка суетливо метались, выкрикивая угрозы и повеления, к которым все оставались глухи; мастер Пори то начинал вопить: «Позор, позор!», то принимался хохотать во все горло. А я схватил расфранченного юнца лет шестнадцати, который успел вцепиться в плюсовый воротничок одной из девиц, и так встряхнул нахала, что едва не вытряс из него дух. Гвалт между тем усилился еще больше.

– Дорогу губернатору! – крикнул судебный пристав. – Стыдитесь, господа! Дорогу его чести и достопочтенным членам Совета!

¹⁷ Саул (XI в. до н. э.) – основатель Израильско-Иудейского царства. В Ветхом Завете – правитель, ставший негодным Богу. «Неужели и Саул во пророках?» – цитата из Ветхого Завета.

Три деревянные ступеньки, ведущие к двери дома губернатора, расцвели яркими красками: малиновый бархат, золотое шитье; его честь сэр Джордж Ирдли и члены Совета стояли на них и глядели на обезумевшую толпу.

Честное круглое лицо нашего губернатора побледнело от возмущения.

– Какого черта?! – вскричал он в ярости. – Вы что, никогда раньше не видели женщин?! Куда подевался пристав? Сейчас же уймись, не то я вас всех посажу под арест за нарушение общественного порядка!

В эту минуту на помосте у позорного столба в центре площади вдруг появился человек громадного роста и мощного телосложения, с умным, волевым, изборожденным глубокими морщинами лицом и пышной копной седеющих волос. Седина плохо сочеталась с его обликом, потому что был он далеко не стар. Я знал, кто он такой – мастер Джереми Спэрроу, пастор, прибывший в Виргинию месяц назад и пока не получивший прихода, однако в ту пору мне еще не доводилось с ним говорить. Нождаанно он без единого слова предупреждения запел на всю площадь благодарственный псалом. Голос у него был необычайно громкий, но красивый, проникновенный, и пел он с таким воодушевлением и страстью, что разбушевавшаяся толпа умилилась и замолчала. Напев тотчас подхватили два других пастора, к ним присоединился пропитой тенорок мастера Пори, и наконен мы запели все. Не в меру осмелевшие кавалеры опомнились, оставили девушек, и порядок был восстановлен. Губернатор и члены Совета сошли с крыльца и со всей подобающей торжественностью заняли место между девушками и двумя пасторами, которые должны были шествовать во главе колонны. Псалом был допет, барабанщик еще раз выбил оглушительную дробь, и процессия двинулась вперед, в сторону церкви.

Мастер Пори оставил меня, дабы занять место среди своих собратьев – членов Совета, толпа женихов и любопытствующих хлынула следом за приставом и сопровождающей его стражей, и на площади остались только я да священник, который первым запел псалом. Он спустился с помоста и подошел ко мне.

– Если не ошибаюсь, вы капитан Рэйф Перси? – спросил он. Голос его, глубокий и низкий, походил звучанием на басовый регистр органа.

– Он самый, – ответил я. – А вы мастер Джереми Спэрроу?

– Да. Малоумный проповедник, самый убогий, смиренный и ничтожный из служителей Господа.

Его мощный бас, атлетическое телосложение и свободная, смелая речь настолько не вязались с этим самоуничижительным признанием, что я едва удержался, чтобы не рассмеяться. Он это заметил, и лицо его, с виду на редкость грозное и воинственное, осветила улыбка – словно луч солнца вдруг заиграл на иссеченной волнами прибрежной скале.

– Я вижу, вас разбирает смех, – добродушно сказал он. – А между тем я говорю чистую правду. По духу я – кроткий Иов¹⁸, хотя природе было угодно наделить меня телесной оболочкой Самсона¹⁹. Уверяю вас, она подходит мне еще меньше, чем какому-нибудь тощему замухрышке подошли бы штаны Фальстафа²⁰. Однако почему вы остались здесь, сэр, разве вы не пойдете в церковь?

¹⁸ Иов – в одноименной книге Ветхого Завета праведник, безропотно сносивший все лишения, которыми Бог подверг его, чтобы испытать его веру (гибель детей, скота, болезнь и т. п.).

¹⁹ Самсон – ветхозаветный герой, богатырь, обладавший необычайной физической силой. Самсон родился, когда евреи за грехи свои попали под власть филистимлян, которые были язычниками. Самсон возглавил борьбу евреев против поработителей. Однажды, когда его, связанного и безоружного, привели к филистимлянам на расправу, он разорвал веревки, схватил валявшуюся на земле ослиную челюсть и убил ею тысячу врагов.

²⁰ Фальстаф, сэр Джон – в пьесах У. Шекспира «Генрих IV» и «Виндзорские насмешницы» очень толстый, пристрастный к удовольствиям и деньгам рыцарь.

– Будь это лондонский собор Святого Павла, я бы, пожалуй, пошел, – отвечал я. – Но здешний храм так мал, что почти вся толпа останется снаружи, и мы едва ли подойдем к двери ближе чем на пятьдесят футов.

– К главной двери – да, однако священники могут проходить и через боковую. Если хотите, я проведу вас. Наши пригожие дурочки идут медленно, и, свернув в этот вот переулок, мы далеко их обгоним.

– Идет, – согласился я.

Мы свернули в переулок, сплошь засаженный табаком, обогнули дом губернатора и, обойдя процессию с фланга, достигли бокового входа еще до того, как девушки вступили в церковный двор. Однако у двери стоял на страже бдительный причетник.

– Я мастер Джереми Спэрроу, священник, прибывший месяц назад на «Саутгэмптоне», – объяснил ему мой новый знакомец. – Мое место на клиросе, любезный, так что, будь добр, пропусти нас.

Причетник, раздуваясь от сознания собственной значимости, загородил собою узенькую дверь.

– Вас, достопочтенный сэр, я пропущу, ибо так велит мне долг. Однако этот джентльмен – не проповедник; я не могу позволить ему пройти.

– Ты ошибаешься, друг мой, – со всей серьезностью отвечал мастер Спэрроу. – Сей джентльмен, мой достойный коллега, только что возвратился с острова Святого Брэндона, где он читает проповеди на шабашах ведьм; вот почему его костюм не вполне безупречен. Вхождение его во храм да падет на мою голову; посему – пропусти нас.

– Никому, кроме господ членов Совета, старших офицеров и священников, не дозволяется входить через западную дверь. Всякого, кто попытается войти в нее силой, будь он дворянин или простолюдин, надлежит арестовать, схватить, оштрафовать и лишить права приобрести себе какую-либо девицу в жены, – монотонно, как заученный урок, пробубнил причетник.

– Вот и хорошо, значит, пропусти нас поживее! – воскликнул я. – На, получай! – И с этими словами я вытащил из своего тощего кошелька шиллинг.

– Вот именно, получай, – повторил преподобный Спэрроу и, взмахнув кулаком, сшиб причетника с ног.

Тот так и остался лежать на пороге, сотрясая воздух потоком угроз, однако рука его жадно схватила шиллинг, который я ему бросил. Мы вошли в церковь; она была еще пуста, но через раскрытую главную дверь до нас доносились громкая барабанная дробь и нарастающий шум шагов.

– У меня есть возможность выбрать себе место, – сказал я. – По-моему, лучше всего встать вон у того окна. А вы останетесь здесь, на клиросе?

– Да, – ответил он со вздохом. – Я должен блюсти достоинство своего сана; посему я сию на почетных местах, рядом с господами, носящими золотое шитье, хотя, по правде сказать, смиренность моего духа такова, что я бы чувствовал себя много лучше на скамье для слуг или среди негров, которых привезли сюда в прошлом году.

Не будь мы в церкви, я бы не выдержал и расхохотался, хотя по всему было видно, что сам он искренне верит в то, что говорит. Он сел на самый широкий и красивый из стульев, стоящих за обитым бархатом креслом губернатора, я встал возле облюбованного мною окна, и мы в полном молчании разглядывали друг друга, одни в пустой, убранной цветами зале, пока колокола, гулко ударив в последний раз, не смолкли и процессия не вошла в храм.

Глава III, в которой я поспешно женюсь

Долгая благодарственная молитва уже почти окончилась, когда я впервые увидел ее.

Она сидела футах в десяти от меня, в самом углу, и на нее падала тень от высокой спинки передней скамьи. Скамью позади нее занимал длинный ряд сельских красоток, краснощеких, пышногрудых, всю постреливающих вокруг себя глазами, в нарядах, украшенных множеством ярких лент. Я взглянул еще раз и увидел – и вижу поныне – розу среди хвастливых пионов и маков, жемчужину среди стекляшек, благородную Утрату²¹ среди сонма деревенщин, несравненный образец всей земной прелести и красоты! Я глядел, не в силах оторваться, на это чудное лицо и видел в нем не только красоту и прелесть – я видел гордость, ум, пылкий нрав, решимость... и, наконец, стыд и гнев. Ибо, почувствовав, что я на нее смотрю, она подняла глаза и встретила мой взгляд; должно быть, он показался ей дерзким, оценивающим взглядом покупателя. Ее лицо, бледное и чистое, как небо вокруг вечерней звезды, вмиг залилось краской.

Она закусила губу, бросила на меня уничтожающий взгляд и тут же вновь потупилась, скрыв вспыхнувшие в нем молнии. Когда я взглянул на нее опять – на этот раз украдкой, из-под руки, которой я будто бы поправлял волосы, – в ее лице снова не было ни кровинки, а темные глаза неподвижно глядели на зеленые деревья и океан за церковным окном.

Служба окончилась, девушки поднялись со своих мест. Вместе с другими встала и она. Ее темное шерстяное платье, строгое, без единого украшения, облегающий шею узкий воротник, белый чепчик, казалось, ясно говорили: «пуританка», но я никогда не встречал пуританок, похожих на эту женщину – на ней бедный наряд смотрелся как королевский пурпур, отороченный горностаем.

Священник на амвоне благословил нас. Губернатор, члены Совета, офицеры и священники сошли с клироса и торжественно прошествовали к выходу, девушки двинулись за ними; а мы, женихи, долгих два часа подпиравшие стены и переминавшиеся с ноги на ногу, потянулись следом и вышли на прилегающий к церкви просторный зеленый луг. Здесь колонна распалась; обладатели пышных кружев и золотого шитья уселись на стулья, расставленные для них в тени огромного дуба, а священники – их было четверо – взошли на свои «кафедры» – четыре невысоких зеленых бугорка. Работы нынче предстояло так много, что одному пастору с одним алтарем было бы не управиться.

Что до девушек, то они минуту-другую постояли, сбившись в кучку, а затем, одни робко, другие со смехом, заспешили в разные стороны, словно лепестки рассыпающейся розы, уносимые ветерком. Холостяки в праздничных шелковых камзолах тотчас пустились в погоню, и через пять минут толпа странствующих дев и жаждущих женихов рассеялась по всему лугу. По большей части они стояли парами: кавалер и барышня, однако самые красивые из путешественниц были окружены стаями наперебой галдящих поклонников и могли выбирать. Я же бродил в одиночестве, ибо стоило мне нечаянно приблизиться к какой-нибудь девушке, как ее взгляд тут же устремлялся на мою потрепанную одежду и там застревал, так и не дойдя до лица, после чего она решительно поворачивалась ко мне спиной. Так что, проходя через луг, я чувствовал себя точно незваный гость на маскараде. Я даже находил представление довольно забавным, хотя мне становилось не по себе при мысли о том, что рано или поздно я тоже должен буду принять в нем участие. На моих глазах бойкая деревенская красотка – ни дать ни взять пастушка из Аркадии – взмахом руки остановила натиск целой дюжины осадивших ее кавалеров, потом неожиданно бросила им бант из голубой ленты, звонко рассмеялась, любуясь

²¹ Утрата – героиня «Зимней сказки» У. Шекспира. Дочь короля, она была в младенчестве покинута и воспитывалась среди крестьян.

завязавшейся потасовкой, и в конце концов удалилась с тем, кто сумел ухватить трофей. Чуть подальше верзила Джек Прайд, мой сосед, чей дом стоял в двенадцати милях вверх по реке, заикаясь и краснея, все кланялся и кланялся худенькой девчушке, скорее всего, ученице из шляпной мастерской. Росту в малютке не набралось бы и пяти футов; она задрала голову, не сводя с Джека глаз, и на каждый его поклон тотчас отвечала реверансом. Когда, отойдя от них ярдов на пятьдесят, я оглянулся назад, он все еще продолжал кланяться, а она – приседать. Но тут до моего слуха донесся следующий пасторальный диалог между Коридоном и Филлидой²².

Филлида. А есть ли у вас домашняя птица?

Коридон (с сильным шотландским акцентом). Двенадцать кур и два петуха!

Филлида. А корова имеется?

Коридон. Даже две!

Филлида. А сколько табака?

Коридон. Три акра, мое золотце, хотя сам я не употребляю это зелье. Я, сердечко мое, не какой-нибудь безродный: я – Стюарт и прихожусь сродни самому королю!

Филлида. А что есть из обстановки и домашней утвари?

Коридон. Одна большая кровать, один топчан с тюфяком, одна задвижная койка для слуги, один комод, один сундук, шесть стульев с сиденьями из телячьей кожи и два-три – с сиденьями из тростника, пять пар простыней, восемнадцать полотняных салфеток и шесть посеребренных ложек.

Филлида. Я согласна.

На дальнем конце луга, поблизости от форта, мне навстречу попался молодой Хэймор. Он был одинок, красен как рак и спешил воротиться назад, туда, где толпились сговаривающиеся парочки.

– Как, ты все еще не женат? – спросил я его. – Куда же смотрели девушки?

– К черту! – в сердцах бросил он и зло рассмеялся. – Если все они похожи на особу, с которой я сейчас расстался, то уж лучше я куплю себе жену в племени паспахегов!

Я улыбнулся:

– Стало быть, твои ухаживания не достигли цели?

В нем тут же разыгралось самолюбие.

– Собственно, всерьез-то я и не ухаживал, – сказал он беспечным тоном и картинно перекинул через плечо свой плащ из голубой тафты. – Будьте уверены, как только я разобрался в качестве товара, так сразу же бежал без оглядки.

– Ах вот оно что! – отвечал я. – Между прочим, когда я покидал толпу у церкви, дело там шло очень споро. Если хочешь добыть себе подругу жизни, советую поторопиться.

– Уже бегу, – отозвался он и, ткнув большим пальцем назад, через плечо, добавил: – Если пойдете вдоль реки до тех вон кедров, увидите дракона в фижмах и плоеном воротничке.

Он ушел, а я еще немного постоял, глядя в голубое небо, где, раскинув крылья, медленно кружил ястреб. Потом вынул из ножен кинжал, нагнулся и попытался соскрести с сапог засохшую грязь. Не особенно в этом преуспев, я вернул кинжал на место, еще раз взглянул на небо, глубоко вздохнул и зашагал к кедрам, на которые показывал Хэймор.

Сначала я слышал только плеск воды у берега, но потом до меня донеслись голоса – сперва мужской, потом сердитый женский:

– Подите прочь, сэр!

– Не ломайся, красотка. Давай-ка поцелуемся и подружimsя, – ответил мужчина.

Последовавший за тем звук был, пожалуй, слишком громок и отрывист даже для самого пылкого поцелуя, поэтому я не удивился, когда, раздвинув кусты, увидел, что мужчина держится за щеку, а девушка потирает правую ладонь.

²² Коридон, Филлида – имена, типичные для пасторалей.

– Ты мне дорого за это заплатишь, хорошенькая злючка! – вскричал он и схватил ее за запястье.

Она яростно сопротивлялась, отворачивая голову то вправо, то влево, но его губы все же коснулись ее лица до того, как я успел вмешаться и сбить его с ног.

Он растянулся, оглушенный ударом, и, часто мигая, посмотрел на меня своими маленькими злыми глазками. Я знал его: это был некто Эдвард Шарплес, известный прохвост. В Англии он был адвокатом. Сейчас мастер Шарплес возлежал на самом краю берега, касаясь локтем воды. Устоять перед таким искушением было выше человеческих сил, и я легким пинком помог ему искупаться, дабы охладить его не в меру горячую кровь.

Когда он вылез обратно на сушу и, ругаясь, убрался прочь, я повернулся и взглянул на нее. Она стояла, выпрямившись гордо, откинув голову назад, на щеках ее горел гневный румянец, а одна маленькая, сжатая в кулак рука была прижата к горлу. Только что, когда Шарплес скатился в воду, я слышал ее смех, но сейчас, когда мы стояли лицом к лицу, ее лицо выражало лишь вызов. Внезапно сзади, с луга, послышался взрыв хохота. Я оглянулся и увидел молодого Хэймора. Как видно, он так и не нашел себе подходящей невесты и, сопровождаемый Джэйлсом Алленом и Уинном, возвращался к той, которую оставил. Должно быть, она тоже их заметила: алые пятна на ее щеках вспыхнули еще ярче, грудь судорожно вздымалась. Темные глаза заметались, как у затравленной лани, и их взгляд встретился с моим.

– Сударыня, – обратился я к ней, – я прошу вас выйти за меня замуж.

Она посмотрела на меня как-то странно.

– Вы живете здесь? – спросила она наконец, пренебрежительно махнув рукою в сторону города.

– Нет, сударыня, – ответил я. – Я живу в поселке Уэйнок. Это в нескольких милях отсюда, вверх по реке.

– Тогда, бога ради, идем! – с неожиданным жаром воскликнула она.

Я низко поклонился и подошел ближе, чтобы поцеловать ей руку.

Кончики пальцев, поданные мне не сразу и с явною неохотой, были холодны как лед, а взгляд, которым она меня одарила, нисколько не напоминал те, что описываются в любовных стихах. Мысленно я пожал плечами, но вслух не сказал ничего. Так, держась за руки, но далеко отстранившись друг от друга, мы вышли из тени кедров и вступили на луг, где почти тотчас столкнулись с Хэймором и его компанией. Они попытались было преградить нам путь, хохоча и отпуская непристойные шутки, но я притянул ее ближе к себе и положил руку на эфес шпаги. Хэймор, Аллен и Уинн тут же расступились, потому что я был лучшей шпагой Виргинии. Между тем толпа на лугу заметно поредела. На реке, и вверх, и вниз по течению, было бело от парусов, а по перешейку полуострова непрерывной вереницей ехали всадники, увозя с собою на седельных подушках свои сегодняшние приобретения. Губернатор, члены Совета и главные военные чины отправились в резиденцию губернатора на торжественный обед. Однако мастер Пирси, главный торговый советник Компании²³, остался надзирать за тем, чтобы женихи платили за своих невест сполна, и все четыре священника тоже продолжали свои труды, хотя теперь парочки уже не наступали друг другу на пятки, как это было еще час назад.

– Сначала я должен рассчитаться с казначеем, – сказал я, остановившись неподалеку от пустующих почетных мест.

Она выдернула свою руку из моей и смерила меня взглядом.

– Сколько? – произнесла она наконец. – Я заплачу.

²³ Имеется в виду Лондонская Виргинская компания. Английская акционерная компания, основанная королем Иаковом I как ассоциация дворян и купцов специально для финансирования колонизации южной Виргинии и определения других мест в Северной Америке, пригодных для заселения. Финансировала создание колонии в Джеймстауне и отправку туда трех групп переселенцев. После 1612 г. была известна как Виргинская компания. С 1619 г. колония в Джеймстауне имела первое в Америке законодательное собрание. В 1624 г. Виргинская компания была ликвидирована королем.

Я остолбенел.

– Вы что, лишились дара речи? – вскричала она, топнув ногой. – Во сколько меня оценили? Десять фунтов? Пятьдесят?

– Сто двадцать фунтов табаку, сударыня, – сказал я сухо. – Я заплачу эту цену сам. Под каким именем вы значитесь в судовом списке?

– Пэйшенс Уорс, – ответила она.

Я направился к казначею. Голова у меня шла кругом. То, что она оказалась среди девушек, завербованных Виргинской компанией, свидетельствовало о ее низком происхождении, но держала она себя словно особа королевской крови. Ради сегодняшнего дня она по своей доброй воле переплыла океан, однако и сам этот день, и то, что он в себя вмещал, были ей глубоко ненавистны. Наконец, она отправилась в Виргинию за лучшей долей – а между тем кошелек, извлеченный ею из-за корсажа, был полон золотых монет.

Будь на моем месте кто-то другой, я посоветовал бы ему проявить осмотрительность, обратиться к губернатору, навести справки. Но сам я не желал наводить никаких справок.

Казначей выдал мне расписку; из окружавшей его толпы я выбрал себе двух свидетелей: славного честного Хамфри Кента и старика Белфилда, который торговал в Джеймстауне благовонными товарами. Вместе с ними я вернулся к ней, подал ей руку и повел ее к ближайшему священнику, но тут меня окликнули:

– Капитан Перси, идите сюда!

Я обернулся и увидел невдалеке могучую фигуру преподобного Джереми Спэрроу: он сидел по-турецки на вершине травянистого пригорка и манил меня рукой.

– Мы с вами знакомы недолго, – приветливо заговорил он, когда моя невеста, свидетели и я подошли к подножию бугра, – но вы мне понравились, и я буду рад оказать вам услугу. Тем паче, что работы у меня нынче маловато. Девушки думают, что я какой-то полуграмотный попик из глухомани, и норовят сбежать к моим собратьям, которые и правда куда больше похожи на духовных лиц. А между тем, если бы они могли заглянуть мне в душу!.. Вы, капитан Перси, долго выбирали себе супругу, но, без сомнения, сделали хороший выбор... – Тут он перевел взгляд с меня на стоявшую рядом со мною девушку и запнулся, раскрыв рот и глядя на нее во все глаза. Что было с его стороны вполне простительно, потому что ее красота и впрямь поражала. Наконец, опомнившись, он заключил: – Истинное чудо совершенства.

– Пожените нас побыстрее, приятель, – сказал я. – Собирается гроза, а нам далеко плыть.

Он спустился со своего бугра, и мы, приблизившись, встали перед ним. На шее у меня висела золотая цепь, которую некогда подарил мне принц Морис Оранский; и поскольку других колец у меня не было, я отделил от этой цепи самое маленькое звено и протянул его ей.

– Ваше имя? – спросил мастер Спэрроу, открывая молитвенник.

– Рэйф Перси, дворянин.

– А ваше? – продолжал он, глядя на нее с чересчур откровенным восторгом.

Она вспыхнула и закусила нижнюю губу. Священник повторил свой вопрос.

Минуту она стояла молча, глядя в темнеющее небо. Потом тихо промолвила:

– Джослин Ли.

Только что на моих глазах из судового списка было вычеркнуто другое имя. Я повернулся и заставил ее посмотреть мне в глаза.

– Как вас зовут? – спросил я. – Скажите мне правду.

– Я сказала правду, – гордо ответила она. – Мое имя – Джослин Ли.

Я вновь повернулся к священнику:

– Продолжайте.

– Виргинская компания запрещает принуждать бедных девушек к замужеству. Итак, по доброй ли воле вы вступаете в брак с этим мужчиной?

– Да, – ответила она. – По доброй воле и без принуждения.

Мастер Джереми Спэрроу совершил обряд и пожелал нам счастья.

Кент собрался было поцеловать новобрачную, но я так посмотрел на него, что он счел за лучшее отступить. Потом он и Белфилд ушли, а я направился к дому, где девушки провели ночь, чтобы забрать оттуда узел с ее вещами. Когда я вернулся, она сидела на траве, подперев ладонью подбородок, и ее темные глаза неотрывно глядели на далекую игру зарниц. Мастер Спэрроу покинул свой пост на бугре и куда-то исчез.

Я подал ей руку и отвел ее к реке, затем отвязал лодку и помог ей сесть в нее. Когда я уже отталкивался от берега, кто-то громко окликнул меня по имени. В следующее мгновение мимо пролетел огромный букет красных роз и упал ей на колени.

– Прекрасное – прекрасной²⁴, – радушно сказал мастер Джереми Спэрроу. – А тетушка Аллен, моя хозяйка, не заметит пропажи.

Я не знал, что мне делать: смеяться или чертыхаться – ведь я не додумался подарить ей цветы, но она решила вопрос за меня, подняв всю ярко-алую охапку и бросив ее в воды реки.

Налетевший с залива ветер рывком развернул парус, и он скрыл от меня огорченное лицо пастора. Лодка понеслась вперед, словно вспугнутый олень. Когда я снова увидел мастера Спэрроу, он уже утешился и с улыбкой махал нам вслед. Я поглядел на красавицу, сидевшую напротив меня, и, охваченный внезапной жалостью к нему, неженатому, встал и что было силы замахал в ответ.

²⁴ Шекспировское выражение («Гамлет», акт V, сцена 1) – слова королевы, которые та произносит, бросая цветы в гроб Офелии.

Глава IV, в которой я мог бы пожалеть о своей поспешности

Когда мы миновали то место, где в Джеймс впадает река Чикахомини, я прервал наше чересчур затянувшееся молчание. Показав ей на стоящую над самым устьем деревушку, я рассказал кое-что об экспедиции Смита вверх по этой реке и в заключение спросил, боится ли она индейцев.

Нехотя оторвавшись от разглядывания облаков, она тоном полнейшего безразличия произнесла «нет» и снова погрузилась в созерцание природы.

Немного погодя я сделал еще одну попытку:

– А вот здесь живет Кент. В прошлом году он привез сюда из Англии свою жену. Видели бы вы, какую славную изгородь из подсолнухов она вырастила вокруг дома! Если вы любите цветы, то в здешних лесах их не меньше, чем в раю, и они столь же красивы.

Ответа я так и не дождался.

Неподалеку от Мартин-Брэнд нам навстречу попалося каноэ, полное паспяхегов. По-видимому, они направлялись с дружественным визитом к одному из племен, живших ниже по течению, поскольку на дне каноэ лежала туша упитанного оленя и стояли широкие посудины с маисовыми лепешками и поздними тузовыми ягодами. Я окликнул гребцов и, когда наши лодки поравнялись, протянул им брошь, украшавшую тулью моей шляпы, и показал рукой на фиолетовые плоды. Обмен состоялся; индейцы поплыли дальше, а я поставил ягоды на скамью рядом с ней.

– Я не голодна, уберите их, – холодно промолвила она.

Я молча вернулся на свое место у руля. Да, у этой розы были острые шипы, и я уже успел о них уколоться. Вскоре она прилегла на меха, которые я расстелил для нее на носу лодки.

– Мне хочется спать, – проронила она надменно и, положив голову на руки, отвернула лицо.

Я сидел на корме, придерживая руль, смотрел на свою жену и ощущал в душе некоторый трепет. В этой женщине не было ничего от смиренной ручной голубки, которую я собирался ввести в свой дом, чтобы она вела хозяйство и растила моих детей. Невдалеке от лодки на воду, потемневшую и беспокойную, стремительно опустилась морская птица. Она задержалась там лишь на мгновение, а потом взмахнула длинными белыми крыльями и унеслась прочь, навстречу приближающейся грозе. Вот на кого походила моя жена... Порой случается, что такие птицы попадают в силки, но ручными они не становятся никогда.

Молнии, то и дело озарявшие бледным светом низкие тучи на юге, теперь ослепительно сверкали прямо над головой, а гром из глухого рокота превратился в мощный раскатистый гул. Тринадцать лет назад грозы Виргинии вселяли в нас ужас. В сравнении с грозами Старого Света они были как канонада против свиста стрел, как рев бурунов у скал по сравнению с ленивым плеском ручья. Сейчас я уже давно к ним привык, однако, когда громовые раскаты переросли в неистовый грохот, словно вокруг разом рушились города, я подивился тому, что жена моя продолжала спать так спокойно. Холодными крупными каплями начал накрапывать дождь. Я встал, чтобы укрыть ее своим плащом, и увидел, что она только притворяется спящей. Глаза ее, широко раскрытые, смотрели на грозу, но в их темной глубине не было страха. Едва я пошевелился, они мигом закрылись, и, приблизившись, я увидел опущенные ресницы и услышал нарочито ровное дыхание. Однако, когда я накрывал ее плащом, она невольно содрогнулась от моего прикосновения, а когда, вернувшись на свое место, я наклонился вбок и украдкой взглянул ей в лицо, ее глаза, как я и ожидал, опять были широко раскрыты. Будь она хоть немного менее красивой, я бы от души пожелал, чтобы она сей же час перенеслась обратно в

Джеймстаун, обратно в Атлантический океан, обратно в то не слышавшее о простой учтивости захоlustье, которое ее породило и отвергло. Гордыня и дурной нрав! Я сжал зубы и мысленно поклялся, что со мной у нее найдет коса на камень.

Гроза длилась недолго. Мы не доплыли еще и до поселка Пирси, когда дождь кончился и небо начало проясняться; над Чеплейнз Чойсом висела огромная радуга, а в Уэйноке нас встретил великолепный малиново-золотой закат. За все это время мы не сказали друг другу ни слова. Я сидел у руля в настроении самом мрачном, а она неподвижно лежала передо мною, все так же глядя на быстрые воды Джеймса и меняющиеся картины берегов и думая, будто я не знаю, что она не спит.

Наконец в сгущающихся сумерках показался мой причал; чуть дальше за ним ярко блеснул огонек: еще утром я велел Дикону навести в доме порядок, затопить камин и зажечь побольше факелов, чтобы показать молодой жене мое уважение. Сейчас я посмотрел на ту, что стала мне женой, и гнев мой внезапно угас. Край, в который она прибыла, был дик и грозен. Могучая река, дремучие леса, черное небо, изрыгающее оглушительный гром, жуткие крики птиц и зверей, грубые страшные меднокожие дикари – на миг я увидел свой мир таким, каким его должна была видеть женщина, лежавшая у моих ног. Ей он казался чужим, недобрым, враждебным, полным неведомого зла, словно она попала на другую сторону луны. Мне вдруг вспомнился давно уже позабытый случай. Когда мы только что прибыли в Виргинию много лет назад, среди нас был один паренек, почти мальчик. Он ночевал в одной хижине с моим кузеном Перси, Госнолдом и мною и каждый вечер оглашал наше жилище жалобами и стенаниями. Мы пробовали стыдить его, пробовали стегать веревкой – однако все было напрасно. То не была тоска по дому: в Англии у него не осталось ни дома, ни матери, ни родных. В конце концов Хант заставил его признаться, что он испытывает непреодолимый панический ужас перед самой этой землей. Нет, его страшили не индейцы и не тяготы нашей тогдашней жизни – и тем и другим он противостоял достаточно мужественно, – его ужасали незнакомые деревья, сплетения лиан в далекой вышине, чернота земли, непроглядная белизна туманов, мерцание светляков, крики козодоев. То был болезненный страх перед первобытной природой и ее трагической маской.

Но тот мой давний компаньон все-таки был мужчина, сейчас же передо мною была женщина, молодая, одинокая, не имеющая друзей, если только ее другом не стану я, поклявшийся лелеять ее и защищать. И склонясь над нею несколько минут спустя, я заговорил с нею так ласково, как только мог.

– Вот мы и приплыли, – сказал я. – Пойдемте, дорогая, здесь наш дом.

Она позволила мне помочь ей встать, и мы вместе взойшли по мокрым скользким ступеням. Было уже совсем темно, луна не светила, а звезды застилала тонкая пелена облаков. От руки, за которую я ее держал, чтобы провести по длинным и узким, лишенным перил мосткам, шел ледяной холод, я слышал, как участилось ее дыхание, но она твердо шла рядом со мною сквозь крошечную тьму. Подойдя к воротам, я постучал в них рукоятью шпаги и крикнул своим людям, чтобы открывали. Мгновение – и по косогору между домом и палисадом рассыпались огни дюжины факелов. Дикон с шумом отодвинул засовы, и мы вошли. Слуги все как один вытянулись и отдали честь, ибо в своей усадьбе я следовал порядкам военного лагеря и слуг своих почитал за солдат, а себя – за их капитана.

Мне доводилось видеть сборища и похуже, чем то, которое мы сейчас лицезрели, но моей спутнице – наверняка нет. К тому же, может статься, что из-за красного, колеблющегося пламени факелов, то разгоравшегося, то прибиваемого ветром, физиономии моих слуг выглядели более злодейскими, нежели обычно. Не все они были людьми дурными. Дикон обладал по крайней мере одной добродетелью – преданностью; среди остальных были два богобоязненных пуританина и горстка честных дураков – пусть солдаты из них получились никудышные, зато они питали глубокое отвращение к мятежу. Однако шестеро были молодцы самые отпетые

(их уступил мне Аргалл); еще двоих, вора и разбойника с большой дороги, я купил из числа каторжников, коих король прислал нам в минувшем году; были у меня также негр и несколько индейцев – так что неудивительно, что при виде этой компании жена моя вздрогнула и сжалась. Но продолжалось это только миг. Я не успел еще подыскать слова, призванные ее успокоить, как она уже вполне овладела собой. Неуклюжее воинское приветствие моих работников не удостоилось ее внимания, она не ответила им даже легким кивком, а когда Дикон, малый весьма видный, освещающий путь, подошел к ней слишком близко, она отдернула юбки с такой брезгливостью, словно он был прокаженный. Когда мы поднялись на крыльцо и остановились перед дверью, я обернулся к своим молодчикам и, взяв ее за руку, сказал:

– Эта леди – моя законная супруга, ваша госпожа, и вы обязаны ее слушаться и почитать. Любое неуважение к ней я расценю как бунт, и виновный будет сурово наказан. Завтрашний день она объявляет выходным и жалует вам двойное довольствие и каждому по кварте рома. А теперь поблагодарите ее.

Они, конечно, разразились приветственными криками. Дикон, выступив вперед, поблагодарил нас от имени всех и пожелал нам счастья. Засим работники еще раз прокричали «ура», пятась, отодвинулись назад, потом повернулись и зашагали к своим хижинам, а я ввел мою жену в дом и затворил дверь.

Дикон был плут на диво изобретательный. Утром я велел ему прибрать и осветить дом, выгнать из него всех собак и накрыть стол для ужина; но я ничего не говорил о том, чтобы устлать пол тростником, разукрасить стены цветущими выюнками, водрузить на стол большой глиняный кувшин с подсолнухами и устроить в зале иллюминацию из целой дюжины факелов. Получилось очень славно, а ужин на столе выглядел выше всяких похвал: жареный каплун, маисовые лепешки, пирог с олениной и эль. Двери двух остальных комнат были растворены, и было видно, что убранство там то же самое: тростник, цветы и множество факелов.

Я провел ее в ту из комнат, что была просторнее, положил узел с ее пожитками на ларь и проверил, хороша ли вода, которую Дикон приготовил ей для умывания. Потом сказал, что мы поужинаем, когда ей будет угодно, и вернулся в зал.

Она не выходила долго, так долго, что я потерял терпение и пошел ее звать. Дверь была приоткрыта, и я увидел, что она стоит на коленях посередине комнаты. Голова ее была запрокинута, руки заломлены и сжаты, лицо выражало такой ужас и такую муку, что я содрогнулся. Первым моим порывом было тотчас же подойти к ней, как я поспешил бы к любому живому существу, страдающему столь жестоко. Но, поразмыслив, я почел за лучшее неслышно отойти назад, на свое прежнее место. Она меня не заметила, я был в этом уверен. На сей раз мне не пришлось долго ждать. Скоро жена моя вышла, и я мог бы подумать, что все, виденное мною минутой назад, мне просто примерещилось – так разительна была произошедшая в ней перемена. Прекрасная и надменная, она подошла к столу и села в большое резное кресло с величавым спокойствием императрицы, восседающей на трон. Я удовольствовался табуретом.

Она не притронулась к еде и едва пригубила канарское, которое я налил в ее кубок. Напрасно я уговаривал ее отведать кушаний и выпить вина; все мои попытки завязать беседу были столь же тщетны. В конце концов, устав от односложных «да» и «нет», роняемых с таким видом, будто она вынуждена метать бисер перед свиньями, я оставил бесплодные усилия и в сумрачном молчании, под стать ее собственному, принялся сосредоточенно поглощать свой ужин. Наконец мы встали из-за стола, и я пошел проверить запоры на наружной двери и ставнях, а вернувшись, увидел, что она стоит в центре зала, высоко держа голову и стиснув опущенные руки в кулаки. Я понял, что настала пора объяснений, и был этому рад.

– Вы, кажется, хотите мне что-то сказать, – начал я. – Я весь к вашим услугам. – С этими словами я подошел к камину и прислонился к каминной доске.

Слабые язычки пламени в топке сделались еще ниже, прежде чем она наконец заговорила. Речь ее была медленной, голос звучал ровно, однако чувствовалось, что достигается это лишь отчаянным усилием твердой воли. Она сказала:

– Когда – вчера, сегодня, десять тысяч лет назад – вы из этих ужасных лесов отправились в ту жалкую деревушку, к тем лачугам, которые составляют ваш Лондон, вы пустились в путь, чтобы купить себе жену?

– Да, сударыня, – отвечал я. – Именно таково было мое намерение.

– И вы все обдумали и прикинули, не так ли? И решили, что вам надобен товар, имеющий такие-то и такие-то свойства? Вы, разумеется, рассчитывали оправдать свои расходы сполна?

– Разумеется, – сухо подтвердил я.

– Могу ли я узнать, что именно вы согласились бы считать достаточным возмещением?

Я воззрился на нее, чувствуя немалое желание рассмеяться. Право, наша беседа обещала быть интересной.

– Я отправился в Джеймстаун, чтобы подыскать жену, – ответил я, – потому что дал себе слово жениться. Особым желанием я не горел и в пути не торопился. Однако вы правы: я собирався извлечь из своей женитьбы максимум пользы; сто двадцать фунтов табаку – цена изрядная, и я вовсе не хотел бросать их на ветер. Нынче утром я пустился в путь, чтобы привести хозяйку для моего дома, подругу, которая украсила бы мой досуг, цветущую, хорошенькую, скромную девушку, у которой не было бы иных устремлений, кроме двух – всегда быть опрятной и добронравной, и которая вела бы здесь хозяйство и создавала уют. Я намеревался стать для нее главой и законом, но также – ее мечом и щитом. Вот, сударыня, что я искал.

– А нашли... меня! – промолвила она и залилась странным смехом.

Я поклонился.

– О господи, почему вы не отправились дальше?

Вероятно, по моему лицу она поняла, почему я не отправился дальше, и густо покраснела.

– Я не то, чем кажусь! – воскликнула она. – Среди этих девиц я оказалась не по доброй воле!

Я снова поклонился.

– Это было ясно и без слов, сударыня, – сказал я. – Ведь я не слепой. А теперь я хотел бы узнать, почему вы очутились в этой компании и почему вышли за меня замуж.

Она отвернулась, так что я не мог больше видеть ее лица, а только тяжелый узел волос на затылке и тонкую белую шею.

Мы стояли так и молчали, она – потупясь, нервно сжимая и разжимая руки, я – прислонясь к стене и устремив взгляд на нее. Время шло, и терпение мое уже начало иссякать, но тут она повернулась ко мне снова, и я онемел от восхищения. О, она была прекрасна и полна прелести, неизъяснимой, самой чарующей и погибельной.

Если бы так выглядела Медея, Ясон²⁵ и думать бы забыл о золотом руне, и Цирцее²⁶, будь у нее такие глаза, не понадобились бы иные чары. Когда она заговорила, ее голос уже не источал высокомерия, то была тихая, пленительная музыка. Она с мольбой протянула ко мне руки.

– Сжальтесь надо мною, сэр, – промолвила она. – Выслушайте меня без гнева и сжальтесь надо мною! Вы сильный мужчина, вы носите шпагу. Вы можете сами пробить себе дорогу сквозь опасности и невзгоды. А я – женщина, слабая, одинокая и беззащитная. Я находилась в жестокой крайности, в великой опасности, и не было рядом никого, кто мог бы меня спасти, не было рыцаря, который пожелал бы защитить меня. Мне не по душе обман. Я ненавидела себя

²⁵ Медея, Ясон – персонажи греческих мифов.

²⁶ Цирцея – в греческой мифологии волшебница с острова Эя, обратившая в свиней спутников Одиссея, а его самого удерживавшая на своем острове в течение года, символ коварной обольстительницы.

за ложь, к которой прибегла. Но вспомните тех лесных зверушек, что попадают в ваши капканы и силки, – разве они не кусаются? Разве не готовы они на все, лишь бы вернуть себе свободу? Я тоже очутилась в силках охотника и тоже была готова на все. То, что мне угрожало, было для меня в тысячу раз горше смерти! Я помышляла лишь об одном: вырваться, спастись, а как – это было мне все равно, только бы вырваться на волю! У меня была горничная по имени Пэйшенс Уорс. Однажды вечером она пришла ко мне в слезах. Ей надоело быть в услужении, и она завербовалась в Виргинию в числе девушек, которых набирал для колонистов сэр Эдвин Сэндз, но в последнюю минуту мужество ей изменило. В тот день меня попытались приневолить – и я была разгневана до глубины души. Я дала ей много денег и велела уехать. А сама в ее платье и под ее именем бежала из дома и села на тот корабль. Никто не догадался, что я не Пэйшенс Уорс, на чье имя я откликалась. И до сих пор никто не знает, кроме вас, сэр.

– И почему же, сударыня, мне выпала такая честь? – спросил я напрямик.

Она вся вспыхнула, потом опять побелела как мел. По телу ее пробегала дрожь. Наконец она заговорила снова:

– Я не принадлежу к этим девицам, явившимся сюда в поисках мужей. Для меня вы чужой, совершенный незнакомый, вы – только рука, за которую я ухватилась, чтобы выбраться из вырытой для меня ямы. Я надеялась, что этот час никогда не настанет. Когда я спешила в порт, согласная на любые опасности, лишь бы избежать того, что ожидало меня в Англии, я думала: «Может быть, я умру еще до того, как этот корабль с его бесстыдным грузом выйдет в море». Когда корабль вышел в море и попал в полосу бурь и многие заболели, я думала: «Может быть, я утону или погибну от лихорадки». Когда нынче днем я лежала в лодке, плывущей под вспышками молний вверх по этой ужасной реке, и вы думали, что я сплю, я говорила себе: «Еще есть надежда. Меня может поразить молния, и тогда все будет хорошо». Я молила Бога об этой смерти, но гроза прошла. Поверьте, я не лишена чувства стыда. Я знаю, вы должны думать обо мне очень дурно, вы, без сомнения, чувствуете себя обманутым, одураченным. Мне очень жаль, сэр, – это все, что я могу сказать, – мне очень жаль. Я ваша жена – сегодня нас обвенчали, но я вас не знаю и не люблю. Я прошу вас почитать меня тем, чем почитаю себя я сама, не более чем гостьей в вашем доме. Я целиком в вашей власти. Я одинока, у меня нет друзей. Я взываю к вашему великодушию, к вашей чести...

Прежде чем я успел ее остановить, она упала передо мною на колени и осталась так стоять, хоть я и попросил ее подняться.

Я подошел к двери, отпер ее и выглянул наружу: в комнате мне вдруг стало нечем дышать. Небо опять затянули тучи, низкие, густые. Вдалеке тяжело рокотал гром, ночь была пасмурна, душна и безветренна. Во мне кипел гнев: на Ролфа, за то, что он подсказал мне эту мысль, на себя самого, за то, что неудачно бросил кости, и больше всего на эту женщину, которая так меня провела. В сотне ярдов от меня, в хижине работников, все еще горели огни, что являлось нарушением правил, поскольку время уже было позднее. Обрадовавшись, что у меня есть повод разразиться бранью, я немедленно направился туда и застал всю компанию в хижине Дикона: они играли в кости на завтрашний ром. Погасив свет ударом рапиры, я задал бездельникам головоломку, разогнал всех по местам, а сам под первыми струями дождя вернулся в ярко освещенную, украшенную цветами комнату, где осталась мистрис²⁷ Перси.

Она по-прежнему стояла на коленях, стиснув на груди руки, и ее темные, широко раскрытые глаза неподвижно глядели в чернеющую за порогом ночь. Я подошел и взял ее за руку.

– Я дворянин, сударыня, – сказал я. – Вам нечего бояться. Я покорнейше прошу вас встать.

Она встала, часто дыша, но не проронила ни слова.

²⁷ Мистрис – госпожа (устар.).

– Уже поздно и вы утомлены. Вот ваша комната. Надеюсь, вы будете хорошо спать. Спокойной ночи.

Я поклонился, она ответила мне реверансом.

– Спокойной ночи, – промолвила она.

По пути к двери жена моя прошла близ стены, где висело мое оружие. Был там один маленький кинжал – она тут же его углядела и, придвинувшись на миг к стене, попыталась украдкой снять. Однако она не сумела понять, как он крепится, и уже шла дальше, к своей двери, когда я пересек комнату, вынул кинжальчик из крепления и протянул его ей с улыбкой и поклоном.

– Изнутри дверь запирается на засовы, – заметил я. – Еще раз желаю вам спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответила она и, войдя в комнату, затворила за собой дверь. Через мгновение я услышал лязг засовов.

Глава V, в которой женщина добивается своего

Спустя десять дней Ролф, плывя на лодке вниз по реке, пристал к моему причалу, увидел там меня, и мы вместе начали подниматься к дому.

– Я не видал тебя с тех самых пор, как ты высмеял мой совет и все же ему последовал, – сказал он. – Итак, мой женившийся Бенедикт²⁸, где же твоя жена?

– Она в доме.

– Ах да! Ведь сейчас время ужина. Я надеюсь, она хорошо готовит?

– Она не готовит, – сухо ответил я. – Для стряпни я нанял бабушку Коттон.

Ролф бросил на меня пристальный взгляд.

– О боги, на тебе новый камзол! Стало быть, она мастерица шить?

– Возможно, – отвечал я. – Я ее за этим занятием ни разу не видел и не могу судить.

А камзол мне сшил портной из Флауэрдью.

Тут мы достигли ровной лужайки перед домом.

– Розы! – воскликнул он. – Я вижу длинный ряд свежепосаженных роз! Ого, да здесь еще и беседка, увитая плющом! И скамейка под орехом-пеканом! С каких это пор ты, Рэйф, занялся садоводством?

– Это все Дикон. Старается доставить удовольствие своей госпоже.

– Которая не шьет, не готовит и не трудится в саду? Что же она делает?

– Срывает эти розы, – ответил я. – Входи, Джон.

Когда мы вошли, он изумленно огляделся, вскричал:

– Приют Акразии²⁹! Право, Рэйф, ты новый Гюйон! – и рассмеялся.

День клонился к вечеру, в раскрытую дверь лились косые лучи солнца, рисуя золотые полосы на полу и стенах. И то и другое изменилось неузнаваемо: темное сучковатое дерево исчезло под ковром из папоротника и душистых листьев дикого винограда с глянцевитой зеленью, усыпанной лиловыми ягодами. Всюду стояли цветы: лиловые, красные, желтые. При нашем появлении женщина, сидевшая дотоле у камина, встала.

– Силы небесные! – вскричал Ролф. – Неужто тебя угораздило взять в жены арапку?

– Это Анджела, она из здешних негров, – сказал я. – Я купил ее на днях у Уильяма Пирса. Мистрис Перси пожелала иметь служанку.

Негритянка (в то время таких женщин в Виргинии было всего пять) глядела на нас, вращая большими глазами. Она немного понимала по-испански, и я, обратившись к ней на этом языке, велел найти хозяйку и сообщить ей, что мы, мой гость и я, ждем ее. Когда служанка ушла, я поставил на стол кожаную посудину с элем, и мы с Ролфом сели, чтобы его распить. Если бы в то время я был расположен смеяться, обескураженное выражение на его лице могло бы доставить мне отличный повод. На столе стоял кувшин с цветами, рядом лежало несколько мелких вещиц. Он взял одну из них.

– Белая перчатка, – проговорил он, – надушенная, отороченная серебряной бахромой и такая маленькая, что, кажется, пришлась бы впору Титании³⁰.

Я взял вторую перчатку и положил себе на ладонь:

– Похожа на женскую руку. Слишком белая, слишком мягкая и слишком маленькая.

Он легонько коснулся всех пяти пальцев перчатки, которую держал:

– Женская рука – сила в слабости, тайная власть, звезда, сияющая в тумане, указывающая путь, манящая, влекущая к высокой цели.

²⁸ Герой комедии У. Шекспира «Много шума из ничего», убежденный холостяк, который в конце концов все-таки женился.

²⁹ Акразия – чародейка в поэме Э. Спенсера «Королева фей».

³⁰ Королева эльфов, героиня пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Я засмеялся и отшвырнул перчатку прочь.

– Звезда – блуждающий огонек, а цель – трясина.

В это мгновение сидящий напротив меня Ролф вдруг изменился в лице, да так сильно, что я, еще не обернувшись, понял: в комнату вошла она.

Узел с ее вещами, который я привез из Джеймстауна, не был ни маленьким, ни легким. Не знаю, почему, убегая из дому, она сочла необходимым обременить себя всеми этими побрякушками, не знаю, приходило ли ей в голову, что, щеголяя в шелках, кружевах и драгоценностях, она может возбудить подозрения. Как бы то ни было, в дикие леса и табачные поля Виргинии она привезла уборы, достойные фрейлины королевы. О темном пуританском платье, в котором я впервые ее увидал, уже не было и помину; нынче она одевалась ярко, вполне сравнявшись с лесными попугаями или, скорее, с полевыми лилиями, ибо, подобно сим последним, воистину не трудилась и не прядла³¹.

Мы с Ролфом встали.

– Мистрис Перси, – сказал я, – позвольте мне представить вам достойнейшего джентльмена и моего лучшего друга мастера Джона Ролфа.

Она присела в реверансе, он низко поклонился. Джон был человек быстрого ума и бывал при дворе, однако сейчас он на время лишился дара речи. Потом, опомнившись, сказал:

– Лицо мистрис Перси забыть невозможно. Я, без сомнения, видел его раньше, только не припомню где.

При этих словах краска бросилась ей в лицо, однако ответ ее прозвучал равнодушно и спокойно:

– Вероятно, в Лондоне, в толпе любопытных, глядевших на одну из тех пышных процессий, что устраивались в честь вашей супруги-принцессы, сэр. Я дважды имела счастье видеть, как леди Ребекка³² проезжает по улицам.

– Я видел вас, сударыня, не только на улицах, – учтиво возразил Ролф. – Теперь я вспомнил: мы встречались на обеде у лорда епископа. Общество собралось самое изысканное. Вы перебрасывались шутками с лордом Ричем, и в ваших волосах сиял жемчуг...

Жена моя не отвела глаз.

– Иной раз память играет с нами странные шутки, – произнесла она, слегка возвысив свой звонкий голос. – С тех пор как мастер Ролф и его индейская принцесса приезжали в Лондон, минуло уже три года, и память ему изменяет.

Она села в большое кресло, стоявшее в середине залитой солнцем залы, и негритянка принесла ей подушку для ног. Только после этого и после того, как она отдала рабыне свой страусовый веер и та, встав сзади, начала ее медленно обмахивать, она наконец обратила к нам свое прекрасное лицо и пригласила нас сесть.

Часом позже, когда на небе уже заблистал лунный серп, у самого окна вдруг громко крикнул козодой. Ролф вскочил:

– Ах, проклятие! Я совсем забыл, что обещал провести эту ночь в Чеплейнз Чойсе.

Я также поднялся.

– Но ты же не ужинал! – воскликнул я. – Я тоже обо всем позабыл.

Он покачал головой:

– Я не могу ждать. Да и зачем мне ужин? За этот час я вкусил вдосталь и опьянел от того, что лучше вина.

Глаза его блестели, словно он и впрямь осушил не один кубок, и я чувствовал, что мои горят не менее ярко. Мы в самом деле захмелели – от ее красоты, смеха, остроумия. Джон

³¹ Перефразированная цитата из Евангелия от Матфея, 6: 28-29. «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них».

³² Покахонтас, дочь вождя Паухатана, после крещения получила имя Ребекка.

поцеловал ей руку и простился, я проводил его до причала, и только тут он наконец прервал молчание:

– Не знаю, почему она явилась в Виргинию...

– И не хочу об этом спрашивать, – добавил я.

– И не хочу об этом спрашивать, – повторил он, глядя мне прямо в глаза. – Ни имени ее, ни звания я не знаю, но клянусь тебе, Рэйф, я видел ее на том званом обеде у епископа! А девушек для отправки в Виргинию Эдвин Сэндз набирал отнюдь не в таких местах.

Я остановил эту речь, положив руку ему на плечо.

– Она – одна из девушек Сэндза, – сказал я с расстановкой, – горничная, которой надоело быть в услужении, и она отправилась в Виргинию в поисках лучшей доли. Полторы недели назад она вместе со своими товарками сошла на берег в Джеймстауне, с ними же явилась в церковь, а оттуда – на общественный луг, где она и капитан Рэйф Перси, дворянин и искатель приключений, настолько приглянулись друг другу, что немедленно вступили в брак. В тот же день он отвез ее к себе домой, где она ныне и проживает, и все, считающие себя его друзьями, должны оказывать ей почтение как его законной супруге. Пусть никто не вздумает говорить о ней неуважительно; не следует также распространяться и о ее красоте, изяществе и манерах (каковые, я этого не отрицаю, несколько не соответствуют ее скромному званию), дабы не давать повода для праздных толков.

– Рэйф, разве мы с тобой не друзья? – спросил он с улыбкой.

– Временами я думал, что это так, – отвечал я.

– Честь моего друга – моя честь, – продолжал он. – О чем молчит он, о том буду молчать и я. Ну что, доволен?

– Доволен, – сказал я и пожал протянутую мне руку.

Мы подошли к краю причала, и он спустился по лесенке в свою шлюпку, лениво качавшуюся на приливной волне. Гребцы отвязали причальные тросы от свай, и между нами начала медленно расширяться черная полоса воды. У меня за спиной, в доме, вдруг ярко вспыхнул свет: мистрис Перси, как обычно, транжирила добрые сосновые факелы. Перед моим мысленным взором предстала картина: комната, освещенная множеством огней, и в этом розовом сиянии, в большом резном кресле, держась очень прямо, сидит красавица, которую свет называет моей женой, а сзади прислужница-негритянка в белом тюрбане обмахивает ее веером. Должно быть, Ролфу представилось то же самое – он поглядел на светящееся в ночи окно, потом перевел взгляд на меня, и до меня донесся его вздох.

– Рэйф Перси, ты счастливчик, самый верх на колпаке Фортуны!³³ – крикнул он мне.

Я с горечью рассмеялся, он же наверняка приписал этот смех самодовольному торжеству по поводу привалившего мне счастья: ведь сейчас, пройдя по темному берегу, я вернусь в сверкающий огнями дом, к его блистательной жемчужине. Он помахал мне на прощание рукой и вместе со своей лодкой исчез в сгустившихся сумерках. А я воротился в дом к мистрис Перси.

Она все так же сидела в большом кресле, скрестив на подушке изящные ноги, сложив руки на коленях, и завитки ее темных волос колыхались в такт взмахам веера, касаясь высокого гофрированного воротника. Я пересек комнату и, оборотившись к ней, прислонился спиной к подоконнику.

– Меня назначили депутатом от проживающей в округе сотни жителей, – сказал я отрывисто. – Палата депутатов собирается на следующей неделе. Я еду в Джеймстаун и останусь там на некоторое время.

Она взяла у негритянки веер и начала неторопливо обмахиваться. Потом спросила:

– Когда мы едем?

³³ Перефразированная цитата из «Гамлета» У. Шекспира. «Гильденстерн: По счастью, наше счастье не чрезмерно: Мы не верхи на колпаке Фортуны».

– Мы? – повторил я. – Я собирался ехать один.

Веер упал на пол. Раскрыв в изумлении глаза, она воскликнула:

– Как, вы хотите оставить меня одну? Оставить меня одну в этих лесах, на милость индейцев, волков и этого сброда – ваших слуг?

Я улыбнулся.

– С индейцами у нас мир, в лесах навряд ли сыщется волк, который смог бы перескочить через этот палисад, а слуги слишком хорошо знают своего хозяина, чтобы посметь оскорбить свою хозяйку. Тем более что за главного у них я оставляю Дикона.

– Дикона! – вскричала она. – Ваша старая кухарка немало порассказала мне о Диконе! Игрок, бандит, отъявленный головорез – вот что такое этот Дикон!

– Не спорю, – отвечал я. – Но он мне предан. Я могу ему доверять.

– Зато я ему не доверяю, – парировала она. И повелительным тоном добавила: – Я хочу поехать в Джеймстаун. Этот лес мне наскучил.

– Я должен подумать, – невозмутимо отвечал я. – Возможно, я возьму вас, сударыня, а возможно, и нет. Я еще не решил.

– Но, сэр, я желаю ехать!

– А я, может статься, пожелаю, чтобы вы остались.

– Вы грубиян!

Я поклонился.

– Вы выбрали меня сами, сударыня.

Она вскочила, топнув ногой, повернулась ко мне спиной и, схватив со стола цветок, принялась обрывать с него лепестки. Я же вытащил из ножен шпагу и начал полировать клинок, счищая чуть заметное пятнышко ржавчины. Минут через десять я поднял глаза, и с другого конца комнаты прямо в лицо мне полетела красная роза. Мгновение – и я услышал обворожительный смех.

– Мы не можем позволить себе ссориться, ведь правда? – вскричала мистрис Джослин Перси. – Право, жизнь в этой глуши и без того печальна. Весь день одно и то же – деревья да река, и не с кем словом перемолвиться! И я ужасно боюсь индейцев! Что, если, пока вы будете в отъезде, они меня убьют? Вспомните, сэр, вы ведь поклялись перед священником, что станете меня защищать. Вы же не оставите меня на милость этих дикарей, не правда ли? И я смогу поехать в Джеймстаун? Я хочу сходить в церковь. Хочу побывать в доме губернатора. И мне столько всего нужно купить! Золота у меня вдоволь, а приличное платье только одно – вот это. Вы ведь возьмете меня с собою, да?

– Женщин, подобных вам, в Виргинии нет, – сказал я. – Если вы в вашем наряде и с вашими манерами появитесь в городе, там сейчас же пойдут разговоры. Между тем корабли в Джеймстауне не редкость, одни приходят, другие отплывают, а Ролф не единственный, кто бывал в Лондоне.

Искорки смеха в ее глазах вдруг погасли, улыбка сошла с губ, но все тут же вернулось на свои места.

– Пусть говорят, – промолвила она. – Мне это безразлично. Не думаю, что капитаны кораблей, купцы и искатели приключений так уж часто обедают в обществе милорда епископа. Этот варварский лесной край и тот мир, который знаю я, так далеки друг от друга, что обитатели одного не беспокоят обитателей другого. В этой ничтожной деревушке, Джеймстауне, я буду в безопасности. К тому же вы, сэр, нёсите шпагу.

– Моя шпага всегда к вашим услугам, сударыня.

– Стало быть, я могу поехать в Джеймстаун?

– Да, если таково ваше желание.

Глядя на меня своими блестящими глазами, держа в одной руке розу и легонько постукивая себя ею по смеющимся губам, она протянула мне другую руку.

– Можете поцеловать ее, сэр, если пожелаете, – произнесла она с нарочитой важностью.

Я встал на колени, поцеловал тонкие белые пальцы, и через четыре дня мы отправились в Джеймстаун.

Глава VI, в которой мы едем в Джеймстаун

Мы пустились в путь верхом рано утром. Я ехал впереди, мистрис Перси – у меня за спиной, на седельной подушке, Дикон сзади на гнедой кобыле. Негритянку Анджелу и дорожные сундуки я отправил по реке.

Одно удовольствие – ехать на хорошем коне по зеленому лесу, когда все в нем дышит утренней свежестью. На каждой веточке сверкал бриллиантовый убор, мокрые листья, стоило лишь до них дотронуться, проливали на нас жемчужный дождь. Лошади грациозно ступали по папоротникам, мху и пышной траве; из туманной фиолетовой дали на нас, замерев, смотрели олени, воздух был полон звонким щебетом птиц, верещаньем белок, жужжанием пчел, и солнце, проникая сквозь густые кроны деревьев, щедро сыпало на нас золотую пыль.

Мистрис Джослин Перси была весела, словно ясное летнее утро. Прошло уже четырнадцать дней, с тех пор как мы встретились, и за это время я обнаружил в ней вдвое больше различных настроений. Она могла быть веселой и приветливой, как утро, мрачной и мстительной, как грозы, нередко гремевшие днем, печальной, как вечерние сумерки, величавой, как ночь, словом, представляла во множестве самых несхожих расположений духа. И еще: она могла быть по-детски откровенной – и все же ничего о себе не рассказать.

Сегодня она соизволила быть милостивой и любезной, и Дикон по десять раз в час соскакивал со своей кобылы, чтобы сорвать цветок, на который ему указывал ее белоснежный пальчик. Она сплела пестрый венок и надела его себе на голову; нарвала целую охапку выюнков, свисавших с ближних веток, и перепачкала руки и губы соком ягод, которые приносил ей Дикон. Она смеялась, глядя на резвящихся белок и разбегающихся куропаток; ее смешило решительно все: индюшки, переходящие нашу тропинку, выпрыгивающие из ручьев рыбы, старый Джоком с сыновьями, переправлявшие нас на пароме через Чикахомини. Мой мушкет вызвал у нее живейшее любопытство, а когда мы выехали на прогалину и увидели сидевшего на обгорелой сосне орла, она потребовала у меня пистолет. Я вынул оружие из-за пояса, со смехом вручил его ей и сказал:

– Клянусь съесть все, что вы подстрелите.

– Пари, пари! – вскричала она, прицеливаясь. – В Джеймстауне есть торговцы мелочным товаром? Если я сейчас попаду, вы купите мне шитую жемчугом ленту для шляпы?

– Даже две.

Она выстрелила, и орел с негодующим воплем улетел. Однако два или три его пера, кружась, упали на землю. Дикон тотчас принес их ей, и она, победоносно указав на алеющие на них капли крови, воскликнула:

– Вы сказали – две!

Но вот солнце поднялось выше, и в свои права вступил полуденный зной. Интерес мистрис Перси к лесным цветам, птичкам и зверушкам мало-помалу угас, а вместо смеха мы все чаще слышали усталые вздохи. Ворох выюнков соскользнул с ее колен, потом она сняла с головы увядший венок и отбросила его прочь. Охота говорить у нее пропала, и вскоре я почувствовал, как ее голова привалилась к моему плечу.

– Госпожа заснула, – послышался сзади голос Дикона.

– Знаю, – ответил я. – Моя кольчуга будет для нее плохой подушкой. Пригляди, чтобы она не упала с лошади.

– Тогда я лучше пойду рядом, – сказал он.

Я кивнул, и Дикон спешил и зашагал рядом с моим конем, одной рукой придерживая уздечку своей кобылы, а другой – седельную подушку, на которой сидела мистрис Перси. Прошло десять минут, из коих последние пять я смотрел не вперед, а назад, через плечо. Наконец, не выдержав, я резко окликнул его:

– Дикон!

Вздрогнув, он опомнился и густо покраснел.

– Да, сэр?

– Может быть, для разнообразия ты переведешь взгляд на меня? Скажи, Дикон, сколько лет прошло, с тех пор как в Виргинию явился губернатор Дэйл?

– Десять лет, сэр.

– По пути в Джеймстаун мы проедем по известному тебе полю под известным тебе деревом. Ты помнишь, что там случилось несколько лет назад?

– Мне этого никогда не забыть, сэр. Вы тогда спасли меня от колесования.

– Тебя уже привязали к колесу, и палач приготовился размозжить тебе кости за твое распутство, пьянство и пристрастие к азартным играм. Я упросил Дэйла пощадить тебя, наверно, только потому, что когда-то ты был помощником конюха в моей роте в Нидерландах. Но, Бог свидетель, такого, как ты, едва ли следовало спасать!

– Я это знаю, сэр.

– Дэйл не хотел отпускать тебя без наказания и решил продать в рабство. Тогда я, по твоей просьбе, купил тебя, и с тех пор ты служил мне, не слишком плохо и не слишком хорошо. Особого раскаяния в прошлых грехах я за тобой не замечал, стремление исправиться было тебе и вовсе неведомо. Как ты родился дерзким плутом, так плутом и умрешь. Но мы с тобой долго жили вместе, вместе охотились, сражались, проливали кровь, и мне кажется, нас связывает взаимная приязнь. По-своему мы даже любим друг друга. Я закрывал глаза на многие твои проступки и часто тебя выгораживал. Взамен я требовал только одного, и если бы ты мне этого не дал, я бы нашел для тебя другого Дэйла, и пусть бы он делал с тобой то, что считал нужным.

– Разве я когда-нибудь отказывал вам в этом, мой капитан?

– Пока нет. А теперь убери руку с седельной подушки, подыми ее и повторяй за мной: «Эта леди – моя госпожа, жена моего господина. Если я в чем-нибудь согрешу против нее, пусть Господь одобрит то, что сделает со мной мой хозяин».

Кровь бросилась ему в лицо. Палыцы, вцепившиеся в седельную подушку, медленно разжались.

– Запоздалое повиновение сродни мятежу, – сказал я. – Так что же, любезный, будешь ты подчиняться или нет?

Он поднял руку и повторил требуемые слова.

– А теперь поддерживай ее, как раньше, – приказал я и поехал дальше, глядя вперед, на дорогу.

Через одну милю мистрис Перси шевельнулась и приподняла голову с моего плеча.

– Мы еще не в Джеймстауне? – промолвила она со вздохом, не совсем еще проснувшись. – О эти бесконечные деревья! Мне снилось, что я в Виндзоре³⁴ на соколиной охоте, а потом я вдруг очутилась в этом лесу... теперь я была лесной птичкой, вольной и оттого счастливой... Но тут на меня налетел коршун, сжал когтями – и я снова стала самой собой, а коршун превратился в... Ах, что я говорю? Это все спресонок... Слышите? Кто это там поет?

И правда, где-то впереди недалеко от нас звучный мужской голос выводил:

С подружками однажды
Пошла я погулять,
Нарвать цветочков майских,
Попеть и поплясать.

³⁴ Виндзор – летняя резиденция английских королей. Поблизости располагался Виндзорский лес.

Вскоре деревья расступились, и мы, выехав на небольшую поляну, увидели того, кто пел эту песенку. Он лежал под дубом на мягкой травке, положив руки под голову, и глядел в летнее небо, голубеющее в просветах между ветвями. Одна нога его была закинута на другую, и на колене сидела белка, держа в лапках орех, а еще с полдюжины, словно игривые котята, сновали туда-сюда по его могучему телу. В нескольких шагах от певца паслась старая серая кляча, тощая, как скелет, с наколенными наростами на всех четырех ногах. Ее седло и уздечка висели на суку дуба, под которым отдыхал хозяин.

Тот между тем весело распевал:

Он ей в любви поклялся,
Но услышал в ответ:
«Мужчины все коварны,
Мужчинам веры нет!»
«Откуда недоверье? —
Учтиво он сказал. —
Ведь ни один мужчина
Тебе не изменял».

— Добрый день, преподобный отец, — окликнул я его. — Сочиняете новый божественный гимн для воскресной службы?

Преподобный Джереми Спэрроу, нисколько не смутившись, осторожно стряхнул с себя белок, встал и подошел к нам.

— Пустяк, безделка, — объявил он, небрежно махнув рукой, — старая глупая песня, которая сама собой пришла мне на ум, оттого что небо нынче такое голубое, а листья — такие зеленые. Если бы вы подъехали чуть раньше или чуть позже, то вместо нее услышали бы девятистый псалом. Добрый день, сударыня! Теперь я понимаю, почему мне вдруг захотелось петь — ведь ко мне приближалась сама королева мая³⁵.

— Вы, верно, держите путь в Джеймстаун? — спросил я. — Коли так, поезжайте с нами. Дикон, оседлай коня его преподобия.

— Оседлать его ты, конечно, можешь, приятель, — вмешался мастер Спэрроу, — ибо и он, и я уже довольно бездельничали, но боюсь, что за вашими лошадьми ему все равно не угнаться. Нет, мы с моим конем оба пойдем пешком.

— По-моему, вашему коню недолго осталось жить на этом свете, — сказал я, оглядывая его убогого росинанта³⁶, — но до Джеймстауна уже рукой подать. До тех пор он протянет.

Мастер Спэрроу уныло покачал головой.

— Я купил его неподалеку от Уэстовера у одного из здешних виноградарей-французов, — сказал он. — Этот месье сидел на нем и нещадно колотил его дубинкой, потому что бедное создание не могло сдвинуться с места. Я поверг негодяя во прах, после чего мы с ним заключили сделку: он получил мой кошелек, а я — его коня. С тех пор мы с этой скотинкой бредем вместе, поскольку совесть не позволяет мне сесть на нее верхом. Вы читали басни Эзопа, капитан Перси?

— Читал и помню историю про старика, мальчика и осла, — отвечал я. — В конце концов пострадал осел. Вот что, друг мой, успокойте-ка вы свою не в меру щепетильную совесть, и пусть сей конь бледный³⁷ немного походит под седлом.

³⁵ Королева мая — красивая девушка, избираемая королевой майского праздника; коронуется венком из цветов.

³⁶ Росинант — конь Дон-Кихота; перен.: кляча.

³⁷ Конь бледный — цитата, иронически вырванная из библейского контекста (Откровение Св. Иоанна Богослова, 6:8): «И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним...»

– Нет, капитан Перси, я на него не сяду, – с улыбкой сказал он. – Ибо, обладая душой слабой, жалкой и чувствительной, я, на свою беду, сложен как Геркулес или как лорд Уоррик. Вот если бы я был шуплого телосложения или хотя бы весил столько же, сколько ваш слуга...

– Понимаю, – сказал я. – Дикон, отдай свою кобылу его преподобию, а сам садись на его коня и тихонько доставь этого скакуна в город. А если окажется, что он не в силах тебя снести, поведешь его на поводу.

Лицо мастера Спэрроу просветлело; он тотчас вскочил в седло и, ничуть не скрывая радости, принялся гарцевать на тропинке, поворачивая лошадь то вправо, то влево.

– Смотри, обращайся бережно с этим бедным животным, приятель, – добродушно крикнул он Дикону (тот был мрачнее тучи). – Доставь его тихим ходом в Джеймстаун и отведи к дому мастера Бака – это возле церкви.

– А что вы делаете в Джеймстауне? – спросил я, когда, оставив позади поляну, мы вступили под сень соснового бора. – Я слышал, что вы поехали в Хенрикус, чтобы помочь преподобному Торпу в обращении индейцев.

– Да, – отвечал он, – поехал. Мне мнилось, что у меня есть призвание к миссионерской деятельности. Я был в этом совершенно уверен и уже видел себя в роли нового апостола язычников³⁸. Из Хенрикуса я немедленно отправился в лес, взяв с собою только индейца-переводчика, и за день пути добрался до индейской деревушки. Собрав вокруг себя всех ее обитателей, я сел на пригорке и начал читать и разъяснять им Нагорную проповедь³⁹. Они слушали чинно, серьезно и внимательно, чем очень меня порадовали, и я уже думал, что спасение их душ близко. Так вот, кончаю я проповедь, и тут со своего места встает старый индеец и обращается ко мне с длинной речью. Я в ней, конечно, ничего не понял, но решил, что он приветствует и благодарит меня за весть о мире и благоволении. Потом он пригласил меня остаться и попристутствовать на некоем увеселении, сути которого я не разобрал. Я остался, и ближе к вечеру меня с пышными церемониями привели на площадь в центре деревни. Там я увидел врытый в землю столб, окруженный кольцом из горящего хвороста. К столбу был привязан индеец, как мне пояснил мой переводчик, то был пленный воин из враждебного племени, обитающего за водопадом. Его руки и ноги были прикручены к столбу кожаными ремешками, продетыми сквозь дыры, прорезанные в предплечьях и лодыжках, все тело сплошь утыкано сосновыми щепками, пылающими, точно миниатюрные факелы, а на бритой голове стояло медное блюдо, полное раскаленных углей. Чуть поодаль от первого столба виднелся второй – к этому еще никого не привязали, и разложенный вокруг хворост не был зажжен. Как вы уже, наверное, догадались, я не стал дожидаться, пока мои хозяева зажгут его, а отломил дубовый сук и, орудуя им, как Самсон ослиной челюстью, поразил этих филистимлян. Их несчастной жертве уже ничем нельзя было помочь, но его мучителям я воздал сполна. И зря они старались, вкапывая тот второй столб и накладывая вокруг него хворост для своего адского пламени, – все их труды пропали даром. Под конец я прыгнул в речку, на которой стояла их проклятая деревня, и благополучно уплыл, а на следующий день пошел к Джорджу Торпу и наотрез отказался от своей должности, поскольку в Писании нигде не сказано, что мы должны проповедовать слово Божие чертям. Вот когда Компания будет готова угостить их по-иному – сталью и свинцом, тогда пусть позовет меня. После этого я сел в лодку и поплыл в Джеймстаун, где узнал, что мой почтенный коллега, преподобный Бак, заболел малярией и совсем плох. В конце концов его отправили вверх по реке, надеясь, что смена климата восстановит его здоровье. Таким образом, паства его осталась без пастыря, и поскольку другого, более достойного священника взять

³⁸ Так прозвали апостола Павла, который проповедовал Евангелие среди язычников в Греции и Риме и обратил многих.

³⁹ Нагорная проповедь – речь Иисуса Христа, обращенная к апостолам; в ней изложено основное содержание христианского учения.

было негде, губернатор и капитан Уэст поставили на это место меня, несмотря на все мои возражения. Кстати, дорогой сэръ, где вы собираетесь остановиться?

– Пока не знаю, – ответил я. – Приезжих в городе сейчас много, а гостиницу еще не достроили.

– А почему бы вам не пожить у меня? – сказал он. – В доме пастора нас сейчас только двое: я да домоправительница, тетушка Аллен. Там пять больших, хорошо обставленных комнат и прекрасный сад, хотя деревья, надо признаться, дают слишком много тени. Так что если вы почтите мое жилище и принесете туда солнечный свет, – тут он с улыбкой поклонился мистрис Перси, – то я буду считать себя вашим должником.

Этот план мне понравился. Если не считать домов губернатора и капитана Уэста, дом пастора был самым лучшим в городе. К тому же стоял он в большом саду, вдалеке от улицы, а мне как раз хотелось уединения. Тетушка Аллен была женщина вялая и нелюбопытная. Наконец имелся еще один довод за – мастер Джереми Спэрроу был мне по душе.

Я принял его предложение, поблагодарил, но он тотчас оборвал изъявления моей благодарности и принялся осыпать комплиментами мистрис Перси, которая на сей раз соблаговолила быть любезной с нами обоими. Так мы ехали то по солнцепеку, то в густой тени, вполне довольные жизнью и собой и такие же веселые, как беззаботные лесные птички. В скором времени мы достигли полуострова и проехали перешеек. Перед нами лежал город: человеку постороннему он показался бы убогой маленькой деревушкой, те же, кому он был дорог, видели в нем оплот и столицу англичан в западном полушарии, росток, из которого могут взрасти великие города, новорожденного, который со временем может сравняться по мощи и красоте со своим отцом – Лондоном. Вот чем Джеймстаун был для меня и для горстки других, как здесь, в Виргинии, так и в нашей отчизне; вот о чем думали мы, глядя на его тесные домишки, бедную церковь и грубо скроенный форт. Мы любили этот город, знавший много горя и мало радости, он был для нас зародышем будущего, на которое все еще разевала свою пасть Испания, грозившая разом обесценить все наши труды на этой земле и все перенесенные ради нее лишения. Но были и другие, те, кто видел лишь убожество построек, дизентерию и малярию, почти полную беззащитность города перед лицом врага, немногочисленность его жителей и множество могил. Не обнаружив в новом краю ни золота, ни земного рая, поняв, что и здесь им надо добывать хлеб свой в поте лица своего, они мгновенно впадали в уныние и либо умирали – надо думать, из чистого упрямства, – либо неслись обратно в Англию и там рассказывали руководителям Виргинской компании всякие мрачные истории про нашу жизнь. Потом стараниями лорда Уорика все эти басни достигали священных ушей Его Величества, что обеспечивало колонии и основавшей ее Компании королевскую немилость.

Подъехав к палисаду, мы увидели, что городские ворота открыты, а стражник исчез.

– Куда это все подевались? – с изумлением сказал мастер Спэрроу, когда мы выехали на улицу.

И правда, куда все подевались? Двери домов были распахнуты настежь, но в них никого не было, никто не стоял на пороге, не выглядывал из окон. Городская площадь была пуста: ни судачащих у колодца женщин, ни спящих под ногами детей; возле тюрьмы у позорного столба не толпились зеваки, у резиденции губернатора не стоял на посту часовой – нигде не было видно ни единой живой души, будь то дворянин или простолюдин.

– Они что, все разом переселились? – вскричал Спэрроу. – Эмигрировали, что ли?

– Во всяком случае, одного они оставили, чтоб он мог рассказать, что здесь случилось, – сказал я. – Вон он, бежит нам навстречу.

Глава VII, в которой мы готовимся к сражению с испанцами

Человек подбежал к нам и, задыхаясь, крикнул:

– Капитан Рэйф Перси! Губернатор узнал вашу лошадь, когда вы проезжали через пере-
шек. Он приказывает вам немедленно явиться к нему.

– Но где он? И где все остальные? – спросил я.

– В форту и на берегу возле него. Ах, добрые господа, какой ужасный день!

– Ужасный день? – воскликнул я. – Да что тут стряслось?

Я уже узнал человека, с которым разговаривал: это был один из слуг коменданта форта, редкостный трус. От страха он совсем потерял голову.

– Они заряжают пушки! – проблеял он дрожащим голосом. – Мы все пропали! У нас-то и пушек порядочных нет... Разве нам их одолеть?

– Да кого «их»? – вскричал я, теряя терпение.

– Там уже раздают пики и сабли! Ох, горе, от одного вида холодного оружия мне всегда становится худо!

Я выхватил кинжал и помахал им перед его носом:

– Ну как, тебе уже стало худо? Сейчас станет еще хуже, если не объяснишь, что здесь происходит.

Он отпрянул назад и, выпучив глаза, прохрипел:

– На нас идет большой корабль! Огромный! А пушек на нем! Одних кулеврин⁴⁰ десяток, а фальконетов⁴¹ и прочих пушек помельче и вовсе не счесть!

Я взял его за шиворот, приподнял и потряс.

– Они привезли своих папистских попов! – выдавил он из себя, когда я опять поставил его на землю. – Завтра нас всех будут пытать на дыбе! А потом отправят на галеры.

– Стало быть, к нам наконец пожаловали испанцы, – заключил я. – Ладно, идем.

У форта царила невообразимая сутолока. В распахнутые ворота торопливо входили члены Совета колонии, депутаты нашей Палаты и офицеры, а перед воротами, на берегу реки, толпилось взбудораженное население. Плантадоры из первопоселенцев, колонисты, прибывшие вместе со Смитом и Дэйлом, арендаторы и слуги, женщины и дети, негры, паспахеги, французские виноградари, голландцы с лесопилок, стеклодувы-итальянцы – все они переходили с места на место, громко переговаривались и все как один глядели в ту сторону, где река Джеймс впадала в океан. Сквозь разноголосый гомон до меня доносилось: «Испанцы! Инквизиция! Галеры!» То были слова, раздававшиеся чаще всего, когда у побережья Виргинии появлялись неизвестные паруса.

Однако где же он, этот испанский корабль? У берега теснилось множество мелких судов: яликов, шлюпов, шхун, дальше стояли на якоре три корабля Виргинской компании: «Тигр», «Счастливого возвращение» и «Любимая» (грузоподъемность самого большого из них, «Счастливого возвращения», составляла всего лишь восемьдесят тонн). По палубам бегали матросы, слышались зычные команды капитанов, но вокруг, насколько видел глаз, не было ни одного чужого судна: ни военного корабля, ни галеона с тремя ярусами готовых к бою пушек и реющим на мачте желтым штандартом – ненавистным флагом Испании.

⁴⁰ Кулеврины – длинноствольные артиллерийские орудия различных калибров. Применялись в европейских армиях и военных флотах в XV—XVII вв. для стрельбы на дальние расстояния.

⁴¹ Фальконеты – пушки небольшого (50—100 мм) калибра. Состояли на вооружении в Европе в XVI—XVIII вв. Стреляли свинцовыми ядрами.

Я соскочил с коня и, оставив его и мистрис Перси на попечение Спэрроу поспешил к форту. Когда я проходил через ворота, меня окликнули. Я обернулся и, увидев мастера Пори, остановился, чтобы подождать его. Веселая физиономия нашего спикера была багрово-красной, он страшно запыхался и с трудом переводил дух.

– Когда до меня дошла весть об испанцах, я был на перешейке, – проговорил он. – Пришлось бежать через весь город, и теперь я все никак не могу отдышаться. Да, туго нам придется!

– А по-моему, это просто очередная ложная тревога, – ответил я. – Уж сколько раз у нас кричали: «Караул! Испанцы!», а потом оказывалось, что зря.

– На этот раз все точно. Дэвис послал из Элджернона нарочного с известием и велел ему скакать сюда во весь опор. По дороге тот видел корабль, перегнал его и говорит, что он и вправду очень велик. Слава богу, ночью был мертвый штиль, а то испанцы застали бы нас врасплох.

Шума за палисадом форта хватало, но порядка там было куда больше, чем снаружи. На рavelинах, у наших трех кулеврин и немногочисленных фальконетов, хлопотали канониры; в одном месте комендант форта, капитан Уэст, раздавал желающим кирасы, кольчуги, мушкетеры, алебарды, шпаги и луки, в другом его жена, дама очень храбрая и воинственная, надзирала за приготовлением огромного котла кипящей смолы.

У каждой бойницы уже стоял стрелок, а через западные ворота валила орда невольных оккупантов: коров, свиней и домашней птицы, которых, вопя во все горло, подгоняли мальчишки.

Пробираясь сквозь толчею, я направился туда, где расположился губернатор. Окруженный членами Совета колонии и депутатами Палаты, он сидел на пороховой бочке и громовым голосом отдавал приказы.

– А, вот и капитан Перси! – воскликнул он, заметив меня. – Вы-то мне и нужны. Для вас война – дело привычное, вот и научите, как побить этих испанских нахалов.

– Тут нечему учиться, сэр, – сказал я. – У англичан это получается само собой. Однако вполне ли вы уверены, что нам и впрямь представился случай поразвлечься?

– На сей раз нет никаких сомнений, – ответил он. – Ночью этот корабль вошел в устье; Дэвис подал ему сигнал остановиться, потом приказал дать пушечный выстрел поверх его палубы, но тот продолжал плыть как ни в чем не бывало. Конечно, тогда было темно и рассмотреть его как следует не удалось, но если корабль не вражеский, то почему он не остановился, чтобы заплатить податей на содержание форта? К тому же мне доложили, что водоизмещение у него не меньше пятисот тонн, а такие большие суда никогда еще в наши воды не заходили. Поскольку ветра почти не было, к нам тотчас отправили нарочного, надеясь, что он сможет опередить врагов и предупредить нас. В Бэссиз-Чойсе нарочный пересел на свежего коня и на рассвете обогнал-таки неприятельский корабль. На реке был туман, и он смог разглядеть только одно: что корабль очень большой и что на нем три яруса пушек.

– А какой на нем был флаг?

– Никакого.

– Да, – сказал я, – это подозрительно. Как бы то ни было, мы правильно сделали, подготовившись к встрече. Их тут ждет горячий прием.

– А между тем кое-кто советует мне сдаться, – продолжал губернатор. – Есть тут по крайней мере один, которому хочется, чтобы я отправил «Тигр» вниз по течению с белым флагом и с моей шпагой.

– Где он? – вскричал я. – Уверен, что он не англичанин.

– Я такой же англичанин, как и вы, сэр! – тотчас откликнулся джентльмен, в котором я узнал своего недавнего знакомого – мастера Эдварда Шарплеса. – Хорошо вам, шальным забиякам из Нидерландов, толковать о сопротивлении испанцам, у которых бойцов вдвое больше

нашего, а пушек столько, что они всё здесь могут разбомбить в пыль. Но люди умные понимают: при таком соотношении сил лучше всего сдаться.

– А трусливым законникам-крюкотворам лучше всего помалкивать, когда говорят мужчины и солдаты, – не остался в долгу я. – Мы тут собрались не за тем, чтобы заключать договор с дьяволом, так что стряпчие нам не нужны.

Офицеры и канониры захохотали, но мастер Эдвард Шарплес продолжал гнуть свое: страх перед испанцами сделал его очень храбрым со всеми остальными.

– Они сотрут нас с лица земли! – стenal он. – Не оставят в Америке ни одного англичанина! Их кулеврины разнесут этот форт в щепки, они разорвут нас в клочья своими гранатами, скосят картечью! – Тут его голос сорвался на визг, и он весь затрясся, как в приступе лихорадки. – Да что вы все, спятили?! Ведь на нас идет Испания, богатейшая, могущественная Испания, которой подвластен весь Новый Свет!

– А сражается с нею Англия! – крикнул я. – Да устыдись же ты наконец и придержи язык!

– Если мы сейчас же сдадимся, они нас отпустят, – проскулил он. – Мы сможем сесть в лодки и добраться до Бермудских островов. Они нас отпустят, отпустят!

– Прямиком на галеры, – пробормотал Уэст.

Шарплес решил попробовать другое средство:

– Подумайте о женщинах и детях!

– Как раз о них мы и думаем, – сурово ответил я и в сердцах добавил: – Замолчи же наконец!

Губернатор, человек храбрый и честный, встал со своей пороховой бочки.

– Ваши рассуждения не имеют отношения к делу, мастер Шарплес, – сказал он. – Помоему, всем ясно, в чем состоит наш долг, а сильны мы или слабы, значения не имеет. Здесь позиция, которую нам надлежит оборонять, и мы либо удержим ее, либо умрем. Да, нас мало, но мы – Англия в Америке, и мы отсюда не уйдем. Здесь пятое королевство нашего короля⁴², и мы отстоим его. Так что положимся на Бога и будем драться до конца.

– Аминь, – сказал я.

– Аминь, – хором повторили члены Совета, депутаты Палаты и вооруженные поселенцы, сгрудившиеся вокруг.

Тут в толпе послышались взволнованные возгласы, и наблюдатель, стоявший на большой кулеврине, закричал: «Вижу парус!» Мы все как один посмотрели в сторону устья и действительно увидели плывущий к нам корабль. Налетевший с моря сильный ветер дул ему в корму, и расстояние между нами быстро сокращалось. Однако пока можно было различить лишь одно: что корабль действительно очень велик и что на нем подняты все паруса.

Толпа, стоявшая снаружи, хлынула в ворота палисада. Не прошло и десяти минут, как женщины встали в линию, готовые заряжать и подавать мушкеты, дети укрылись от обстрела, мужчины построились, канониры заняли свои места у орудий, а на флагштоке взвился английский флаг. Я сам поднял его и продолжал стоять рядом, когда ко мне подошли мастер Спэрроу и моя жена.

– Все женщины вон там, – сказал я ей. – Идите лучше к ним.

– Я предпочитаю остаться здесь, – ответила она. – Я не боюсь. – Ее голова была гордо поднята, щеки покраснелись. – Мой отец сражался с Великой Армадой⁴³. Добудьте для меня шпагу у того человека, что их раздает.

Наблюдатель, стоявший на кулеврине, крикнул:

⁴² Первые четыре королевства – это Англия, Уэльс, Шотландия и Ирландия.

⁴³ Великая Армада – флот, посланный испанским королем Филиппом II в 1588 г. для завоевания Англии и погибший от бури и столкновения с английским флотом.

– Корабль огромный, все пятьсот тонн, а то и больше! О господи, сколько у них пушек! А верхняя палуба срезана!

– Тогда это наверняка испанцы! – воскликнул губернатор.

Внезапно толпа иностранцев, каменных слуг и ссыльных преступников взорвалась громкими выкриками, и, взглядевшись, мы различили в ее гуще Шарплеса: он взгромоздился на бочку и что-то говорил, бурно жестикулируя.

– «Тигр», «Любимая» и «Счастливое возвращение» выходят им навстречу! – доложил наблюдатель.

Англичане встретили эту весть приветственными криками, а разноперый сброд, собравшийся вокруг Шарплеса, – воплями и стенаниями. От дикого страха адвокат утратил остатки стыда.

– Много ли пушек на этих суденышках? – визжал он. – По паре жалких фальконетов и по горстке мушкетов, и с этим они смеют атаковать огромный военный корабль! Да он их раздавит и не заметит! Пустит ко дну одним выстрелом! В «Тигре» всего сорок тонн, а в «Любимой» – шестьдесят... Вы все безумцы! Вы тронулись рассудком!

– Иногда количество побивается качеством, – заметил Уэст.

– Ты что, никогда не слышал о «Согласном»? – крикнул с равелина один из канониров.

– Или о «Королевском купце»? – подхватил другой.

– Или о «Мщении»? – прогремел голос мастера Джереми Спэрроу. – Коли тебе неважно, здесь оставаться, трус, пойдешь повеситься или доберешься вплавь до испанцев и сменишь свои мокрые штаны и камзол на санбенито⁴⁴. Нам ли бояться этих чванливых донов? Пусть являются, пусть стреляют, пусть высаживаются – здесь, в Виргинии, мы проучим их так же, как проучили в сражении под Кале!

В той битве испанцам мы задали жару:
Большой «Сан-Фелипе» дотла мы сожгли,
А два корабля: «Сан-Андре» с «Сан-Матео»
Под флагом английским с собой увели.

– И с этим кораблем мы сделаем то же самое! Потопим или захватим и пошлем сражаться против таких же испанских галеонов⁴⁵ и галеасов⁴⁶.

Флейты свистят, барабаны бьют,
В бой на врага англичане идут!

Голос мастера Спэрроу был так мощен, а вид так величествен, что взоры всех присутствующих обратились к нему. Поверх своего некогда черного, а ныне изрядно порыжевшего камзола он натянул кирасу, еще более рыжую от ржавчины, на его густых волосах сверкала каска, которая была ему на несколько размеров мала, на поясе висел древний палаш, а в руке он сжимал пику. Внезапно выражение веселой бесшабашности исчезло с его лица и сменилось другим, более подобающим его сану.

– Наше дело правое, братья! – вскричал он. – Не только Англию защищаем мы здесь; мы защищаем всех тех, кто любит закон и свободу и боится Бога. Господь не оставит своих вер-

⁴⁴ Санбенито – особая одежда, надеваемая по приговору инквизиции на осужденных на аутодафе. На нераскаившихся грешников надевалось санбенито черного цвета с дьяволами и языками пламени, на раскаившихся – желтого с красным.

⁴⁵ Галеон – большое трехмачтовое судно. В XV–XVII вв. эти суда служили для перевозки товаров и драгоценных металлов из испанских и португальских колоний в Европу.

⁴⁶ Галеас – военный корабль, состоявший на вооружении многих стран Европы XVI–XVII вв. Усовершенствованная большая галера, оснащенная парусами.

ных слуг и не отдаст этот девственный мир Антихристу. Наша колония – закваска, на которой должно взойти все тесто, и Всевышний оградит нас от врагов наших и укроет дланью своей. Бог битв, Бог Англии, Бог Америки, услышь нас! Помоги детям Англии, спасающим Новый Свет!

В начале этой речи Спэрроу уронил свою пику на землю и воздел сжатые руки к небесам, но, закончив, тотчас поднял оружие, расправил плечи и откинул голову назад. Коснувшись рукою флагштока, он посмотрел вверх, на английский флаг, развевающийся на ветру, и весело воскликнул:

– По-моему, он здорово смотрится так высоко, на фоне этого голубого неба, правда, друзья? Давайте сделаем так, чтобы он реял здесь всегда!

В ответ грянул восторженный рев, заставивший трусов если не устыдиться, то, по крайней мере, замолчать. Что до мастера Эдварда Шарплеса, то он поспешно юркнул за спины женщин.

Громадный корабль между тем приближался, с каждым мгновением становились все больше и больше его белые паруса и все виднее – угрожающий оскал многочисленных пушек. На шкафуте⁴⁷ толпились матросы, но на мачтах не было ни флага, ни вымпелов.

Над палубой «Тигра» поднялось облачко дыма, и ядро одного из двух его крохотных фальконетов пронеслось сквозь такелаж нашего непрошеного гостя. В толпе поселенцев-англичан раздались крики «ура!» в честь храброго экипажа маленького суденышка.

– Праща Давида⁴⁸! – воскликнул мастер Джереми Спэрроу. – Теперь очередь Голиафа с его тяжелыми пушками.

Но орудия большого корабля молчали. Вместо выстрелов с его палубы донеслось нечто очень похожее на дружный многоголосый хохот. Внезапно все его стеньги⁴⁹ и рей⁵⁰ расцвели красно-синими вымпелами, а на корме заплескался большой флаг с перекрещенными крестами Святого Георгия и Святого Андрея⁵¹. Одновременно труба, флейта и барабан оглушительно заиграли «Да здравствует старый добрый эль».

– Боже мой, это же английский корабль! – вскричал губернатор.

Так, с развевающимися флагами, под звуки музыки и неумолкающего смеха он подплыл к нам все ближе и ближе. «Тигр», «Любимая» и «Счастливое возвращение» больше не стреляли в него, они развернулись и превратились в корабли сопровождения. Наблюдатель, хмурый старый морской волк, прибывший в Виргинию вместе с Дэйлом, прыгнул со своей кулевины и со всех ног бросился к губернатору.

– Я узнал его, сэр! – закричал он. – Я был в сражении при Кале и знаю точно: это «Санта Тереса», мы тогда захватили ее и отправили королеве. Раньше этот корабль и правда принадлежал испанцам, но теперь он наш, английский.

Тут ворота форта распахнулись, и поселенцы в радостном возбуждении снова повалили на берег реки. Я очутился рядом с губернатором; его честное лицо выражало крайнее замешательство.

– Что вы об этом думаете, Перси? – спросил он. – Компания не посылает кабальных работников, учеников, ссыльных или девушек на таких судах. Да и губернаторов тоже. Это королевский корабль, дело ясное, но что он здесь делает – вот в чем вопрос. Зачем он сюда пожаловал и кого привез?

⁴⁷ Шкафут – часть верхней палубы от фок-мачты (передней мачты) до грот-мачты (средней мачты).

⁴⁸ В Библии рассказывается, как юноша Давид, одушевленный горячей верой в Бога, победил тяжеловооруженного великана-филистимлянина Голиафа, имея в качестве оружия лишь пращу. Бросив из пращи камень, он поразил Голиафа прямо в лоб, а затем отсек ему голову.

⁴⁹ Стеньга – продолжение верхнего конца судовой мачты.

⁵⁰ Рей (рей) – горизонтальная перекладина у мачты, к которой подвешивается верхней кромкой прямой парус. Служит также для подъема сигналов.

⁵¹ Флаг Объединенного королевства Англии и Шотландии. Святой Георгий считался покровителем Англии, а Святой Андрей – Шотландии.

– Скоро узнаем, – отвечал я. – Они уже отдают якорь.

Через пять минут с корабля спустили шлюпку с четырьмя гребцами. На ее корме сидел высокий, роскошно одетый мужчина с черной бородкой и румяным лицом. Шлюпка ткнулась носом в песок футах в двухстах от того места, где, озадаченно глядя на нее и на огромный корабль, стояли губернатор, члены Совета колонии, чиновники Компании и горстка прочих. Человек, сидевший на корме, соскочил на берег, огляделся и направился в нашу сторону. Шел он не спеша, так что у нас было достаточно времени, чтобы оценить богатство его костюма: камзола с разрезами, отделанными алой тафтой, и плаща с такой же алой тафтяной подкладкой, а также надменную величавость поступи и осанки и необычайную красоту его цветущего лица.

– Первый раз в жизни вижу такого красавца! – воскликнул губернатор.

Стоявший рядом мастер Пори шумно втянул в себя воздух, потом так же шумно выдохнул.

– О да, лицо у него красивое, – согласился он, – однако о делах его этого не скажешь. Этот джентльмен – лорд Карнэл, последний фаворит короля.

Глава VIII, в которой на сцене появляется лорд Карнэл

Кто-то тронул меня за плечо, я обернулся и увидел рядом с собою мистрис Перси. Щеки ее побелели, глаза сверкали, все тело было напряжено. Я глядел на нее в изумлении, ибо сомнений быть не могло: причиной столь разительной перемены был бешеный гнев. Ее рука соскользнула с моего плеча и сжала локоть.

– Помните: я ваша жена, сэр, – произнесла она тихим, полным ярости голосом, – ваша добрая и любящая жена. Вы говорили, что ваша шпага всегда к моим услугам, пусть же сегодня мне послужит ваш ум!

У меня не было времени на расспросы, ибо человек, о чьем высоком положении осведомил нас мастер Пори и который, как мы все слышали, мог в скором времени занять место самого Бэкингема⁵², уже подошел совсем близко. Губернатор с непокрытой головой, держа в руке свой шлем, сделал шаг ему навстречу, приезжий лорд сорвал с головы испанскую шляпу; и тот и другой низко поклонились.

– Я говорю с его честью губернатором Виргинии, не так ли? – спросил гость. Слова эти он произнес с высокомерной небрежностью, а шляпу, едва сняв, тут же надел опять.

– Да, я Джордж Ирдли⁵³, к услугам милорда Карнэла, – ответил губернатор.

Фаворит поднял брови.

– Похоже, мне нет надобности представляться, – сказал он. – Вы уже уяснили себе, что я вовсе не дьявол собственной персоной, во всяком случае, не испанский Вельзевул. Гром и молния! Сдается мне, что ястреб над птичьим двором, и тот не произвел бы большего переполоха, чем мой маленький жалкий кораблик с его безобидными пушчонками! Неужто вы всегда так осторожничаете, едва заведя незнакомый парус?

Губернатор покраснел.

– Мы не в Англии, милорд, – ответил он сухо. – Здесь мы, англичане, малочисленны, слабы и окружены множеством опасностей. Нам приходится быть бдительными – ведь до нас легко может дотянуться Испания, которая держит в страхе всю Европу и считает здешний край своей вотчиной. А храбрость свою нам доказывать не надо – ее доказывает уже одно то, что мы поселились на этой земле.

– О, в вашей храбрости я не сомневаюсь, – пренебрежительно обронил наш визитер. – Думаю, что она под стать вашим доспехам.

При этом он бросил взгляд на помятую каску и ржавую кирасу мастера Джереми Спэрроу.

– Что правда, то правда: доспехи наши и впрямь устарели, – заметил тот. – Они стали нынче почти так же немодны, как вежливость в гостях и уважение к людям достойным со стороны придворных шаркунов, возвысившихся благодаря смазливому лицу.

От такой дерзости все испуганно притихли. Фаворит рассмеялся.

– Будь я проклят! – вскричал он. – Что ж, мой любезный великан, теперь я вижу, что храбрости у вас и правда через край и что вы не страшитесь ни испанцев, ни дыбы, ни галер, ни чего бы то ни было вообще!

Его развязная речь, наглый взгляд, презрительная усмешка, высокомерное афиширование своего положения при короле – положения, которого ему следовало бы стыдиться, словно позорного клейма, – наконец, его красота и пышность его наряда – словом, все в этом человеке

⁵² Бэкингом, Джордж Вильерс (1592—1628) – герцог, фаворит и министр английских королей Иакова I и Карла I Стюартов. Став фаворитом Иакова I в 1615 г., он вскоре получил от короля титул графа Бэкингема, звание лорда верховного адмирала и, наконец, – титул герцога Бэкингема.

⁵³ Ирдли, сэр Джордж (1587—1627) – крупный виргинский плантатор и губернатор Виргинии. В 1619 г. председательствовал на первой сессии виргинской Палаты депутатов (депутаты были назначены им же), в том же году был посвящен королем в рыцари. Многое сделал для развития и процветания колонии.

было мне противно. Сам не зная почему, я уже тогда его ненавидел – ненавидел так же сильно, как и позднее, когда у меня появились для этого причины.

Вынув из-за пазухи запечатанный пакет, он протянул его губернатору и все тем же полувраждебным полунасмешливым тоном объявил:

– Это вам от короля, сэр. Можете прочесть на досуге. Он желает, чтобы вы оказали мне содействие в поисках, ради которых я прибыл в эти места.

Губернатор взял пакет с глубоким почтением.

– Желание короля для нас закон, – сказал он. – Мы сделаем все, что в наших силах, сэр; однако если вы ищете здесь золото...

Фаворит опять засмеялся:

– Я прибыл сюда за тем, что много дороже золота, сэр губернатор, за тем, что для меня ценнее всех сокровищ Индии и Эльдорадо, словом, за тем, чего я хочу. У меня железная воля, сэр. Если я что-либо решил, то непременно исполню, а когда мне чего-нибудь захочется, я добуду это любой ценой! Предупреждаю: я не из тех, кому можно безнаказанно мешать или перечить.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, милорд, – недоуменно, но учтиво ответил губернатор. – Уверяю вас, здесь никому не придет в голову чинить препятствия осуществлению честных замыслов вельможи, столь взысканного милостью короля. Надеюсь, что на время вашего пребывания в Виргинии вы окажете мне честь, поселившись в моем доме... Но что с вами, милорд?

Лицо лорда Карнэла вдруг побагровело, черные глаза загорелись, усы начали подергиваться. Белые зубы щелкнули, оборвав на полуслове начатое ругательство. Честный сэр Джордж и его окружение взирали на странного гостя с удивлением, к которому примешивалась опаска. Что до меня, то я сразу понял, отчего он выругался и отчего на его красивом лице явилось выражение неистового торжества. Секундой раньше мастер Джереми Спэрроу слегка посторонился, и взорам присутствующих предстало то, что до сих пор оставалось скрыто за его широкой спиной, – мистрис Джослин Перси.

Мгновение – и фаворит уже стоял перед нею и, сняв шляпу, кланялся до земли.

– Мои поиски окончены, едва начавшись! – воскликнул он с ликованием. – Я нашел свое Эльдорадо раньше, чем рассчитывал. Но отчего вы так меня встречаете, леди? Разве вы мне не рады?

Моя жена отпустила мою руку и сделала ему низкий реверанс, потом с вызовом выпрямилась, надменная, негодующая. Глаза ее были точно две рассерженные звезды, щеки горели пунцовым румянцем, на устах играла улыбка, исполненная презрения.

– Я не могу встретить вас так, как вы того заслуживаете, милорд, ведь я безоружна, – сказала она звонким голосом. – Эльдорадо, милорд, находится далеко на юге. Эта земля вам вовсе не по пути, и вы здесь только зря потеряете время. Милорд, позвольте мне представить вам моего мужа, капитана Рэйфа Перси. Думаю, вы знакомы с его кузеном, графом Нортумберлендом.

При этих словах с лица королевского фаворита вмиг сбежала вся краска; он отшатнулся, словно незримая рука ударила его по щеке. Затем, овладев собою, он поклонился мне, а я – ему, после чего мы посмотрели друг другу в глаза и каждый увидел брошенную ему перчатку.

«Я ее поднял», – мысленно сказал я.

«Я тоже», – взглядом ответил он.

«Бьемся насмерть, не так ли?» – продолжал я.

«Насмерть», – подтвердил он.

«И только мы двое», – закончил я наш мысленный диалог.

Его ответная улыбка источала яд, так же как и тон, которым он обратился к губернатору.

– Вот уже несколько недель, сэр, – начал он, – как двор лишился драгоценнейшего сокровища, бриллианта, которому нет цены. В некотором роде этот бриллиант принадлежал королю, и Его Величество по великой доброте своего сердца обещал отдать его одному человеку – и не просто обещал, а поклялся своим королевством! И что бы вы думали, сэр: едва тот протянул руку, чтобы взять сокровище, как оно вдруг исчезло! И никто не знал, где его искать. Все было перевернуто вверх дном, все темные углы обшарены, но тщетно! Однако человек, которому этот прекрасный бриллиант был обещан, не смирился с потерей, ибо он не из тех, кого можно легко обмануть или обескуражить. Он поклялся отыскать свою драгоценность и завладеть ею.

И лорд Карнэл перевел свой дерзкий взгляд с губернатора на ту, что стояла подле меня. Все глаза тотчас же впились в нее; если б он показал на нее пальцем, то и тогда не смог бы добиться этого быстрее. Еще раньше толпа мало-помалу отступила, пока не образовалось пустое пространство, посреди которого стояли трое: королевский любимец, беглая придворная дама и я. Поначалу любопытные взоры были устремлены на всех трех, но теперь разом нацелились на нее одну.

В ту пору женщины-европейки почитались в Виргинии высоко. Несколько лет тому назад они были для нас куда большей диковиной, чем пересмешники и белки-летяги или табак, который мы только что начали выращивать. Если у кого-то была жена, достаточно любящая и смелая или достаточно ревнующая мужа к индианкам, чтобы приехать в наш дикий край, то у этого человека вмиг появлялось множество друзей, а от набивающихся в гости не было отбою. Первый брак в Виргинии был заключен между батраком и служанкой, но леденцов на их свадьбу наготовили столько, словно женился по меньшей мере наместник графства. Шафером жениха был младший брат лорда де Ла Варра, посаженным отцом невесты – младший брат лорда Нортумберленда, и он же первым поцеловал ее, когда священник завершил брачный обряд. А кубок с подкрепляющим питьем, которое новобрачные должны были выпить, перед тем как удалиться на ночь, поднес им не кто иной, как президент Совета колонии. После этой свадьбы были и другие. Дворянки приезжали в Виргинию с мужьями или отцами. Бедные простолюдинки отправлялись за счет Компании, обязавшись отработать в колонии семь лет, но по прибытии в течение каких-нибудь трех недель находили себе мужей, и те выкупали их на свободу, платя выращенным табаком. Кроме кабальных работников и работниц Компания ввозила в Виргинию еще и подростков для обучения ремеслам, а среди них бывало немало девушек. Последнюю партию невест – последнюю по счету, но никак не по численности – нам только что прислал сэр Эдвин Сэндз. Да, многое переменялось с того дня (вспоминая его, многие и теперь еще покатывались со смеху), когда мадам Уэст, в ту пору единственная молодая и красивая женщина в городе, вышла на площадь, решительно взобралась на помост с позорным столбом, подозвала к себе барабанщика и приказала ему барабанным боем созвать всех до единого мужчин Джеймстауна. Когда это было исполнено и ошеломленные жители устали смотреть на жену своего коменданта (сам он тогда был в отъезде), стоящую перед ними у позорного столба, мистрис Уэст через городского глашатая повелела собравшимся сейчас же, не сходя с места, досыта на нее наглядеться и вволю нахушукаться на ее счет, после чего раз и навсегда оставить ее в покое.

Тот день давно миновал, но мужчины в наших поселениях до сих пор оставляли работу, чтобы поглазеть на идущую мимо женщину, до сих пор кричали «ура», заведя на прибывшем корабле женскую фигурку, а в церкви во время богослужения смотрели отнюдь не на священника. В нашей короткой, но бурной истории немногие события наделали больше шума, чем прибытие голубиц сэра Эдвина. Теперь все они уже были замужем, но не перестали быть центром всеобщего внимания: люди осведомленные показывали их неосведомленным, следом за ними бегали дети, простонародье пялилось на них, не таясь, члены Совета колонии, депутаты Ассамблеи и комендант Уэст всякий раз кланялись им с широкой улыбкой, а дамы, добывшие себе мужей более традиционным способом, открыто выказывали им свое пренебрежение. Из

девятина девушек, сошедших на берег две недели назад, большинство нашло супругов в самом городе и ближайших к нему поселках, так что в толпе, которая собралась, чтобы сразиться с испанцами, а потом неожиданно встретила королевского фаворита, было немало женских лиц.

Но ни одна не могла сравниться с той, чью руку я поцеловал на лугу возле церкви. Тогда, окруженная десятками грубоватых простонародных красоток, одетая в пуританское платье, она не возбудила чрезмерного любопытства, а с тех пор ее не видел никто, кроме Ролфа, Спэрроу, моих слуг и меня. Потом, когда все вокруг кричали: «Испанцы! Испанцы!», мужчинам было не до женской красоты, поэтому до самого последнего момента она оставалась незамеченной. Но теперь все изменилось. Губернатор перевел свой взгляд туда, куда указывали наглые глаза фаворита, и застыл в немом изумлении. Окружавшие его дворяне вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть мистрис Перси, поднимали брови, перешептывались; чернь за их спинами делала то же самое, только куда откровеннее.

– И как вы думаете, сэр губернатор, – продолжал между тем фаворит, – куда подевался этот бриллиант, не пожелавший сиять при дворе? Бриллиант, который пренебрег волей короля и отказался принадлежать тому, кому он был подарен?

– Я человек простой, милорд, – отвечал губернатор, – а потому прошу вас выразиться попроще.

Лорд Карнэл обвел взглядом затаивших дыхание зрителей и рассмеялся.

– Будь по-вашему, – согласился он. – Итак, сэр, позвольте осведомиться: кто эта леди?

– Она прибыла в колонию две недели назад, – ответил губернатор. – Она одна из тех бедных девушек, которых набрал в Англии наш казначей, сэр Эдвин Сэндз.

– Бедная девушка, с которой я недавно танцевал на балу при дворе, – сказал фаворит. – Притом этой чести я дождался лишь после того, как с нею танцевал наследник престола.

Круглые глаза губернатора округлились еще больше. Стоящий за ним на цыпочках молодой Хэймор тихо присвистнул.

– В таком небольшом поселении, как ваше, – вещал милорд Карнэл, – вы наверняка хорошо знаете друг друга. Здесь никому не удастся носить маску и выдавать себя за другого. Здесь нельзя ничего скрыть. Однако у всех нас есть не только настоящее, но и прошлое. Так вот...

Я перебил его:

– В Виргинии, милорд, мы живем настоящим. И в настоящее время мне не нравится цвет вашего плаща.

Он вперился в меня, сдвинув свои густые черные брови.

– Не вы его выбирали, сэр, – проговорил он надменно, – и не вам его носить.

– Темляк на вашей шпаге тоже безобразен донельзя, – продолжал я. – И мне не по душе такие новехонькие, усыпанные драгоценными камешками ножны. Мои, как видите, довольно потерты.

– Вижу, – сухо произнес он.

– А еще мне не нравится форма фестонов и дырочек, украшающих ваш камзол, – заключил я. – Я мог бы привести их в большее соответствие с моим вкусом. – И я коснулся дорогого бархата его одеяния кончиком своей рапиры.

Толпа зашумела. Губернатор бросился вперед и закричал:

– Капитан Перси, опомнитесь! Вы в своем уме?!

– В своем, – отвечал я, – просто мне не нравится французская мода; а также те англичане, которые ей следуют. По-моему, у них не все чисто с происхождением.

Удар попал в цель. Ни для кого не была секретом история женитьбы покойного отца лорда Карнэла на горничной супруги французского посла.

В толпе раздалась восхищенные возгласы. Карнэл выхватил свою шпагу, рука его тряслась. Мой клинок также был обнажен, но упирался острием в землю.

– Ты мне за это заплатишь, – выдавил из себя фаворит и вдруг безо всякого предупреждения сделал резкий выпад. Не будь он так ослеплен яростью, я был бы убит и длинный счет обид, которые нам предстояло нанести друг другу, оборвался бы в самом начале. Но я отклонился – и в следующее мгновение выбил шпагу из его руки. Она, крутясь, взлетела в воздух и шлепнулась к ногам губернатора.

– Вы можете ее поднять, милорд, – заметил я. – Видно, рука у вас так же крепка, как и устои вашей чести.

Карнэл глядел на меня с лютой ненавистью, в уголках его губ пузырилась пена. Теперь между нами стояли люди: губернатор, Фрэнсис Уэст⁵⁴, мастер Пори, Хэймор, Уинн, а вокруг гудела взбудораженная толпа. Мой отвлекающий маневр удался на славу: всеобщее внимание больше не было приковано к мистрис Перси. Уэст схватил меня за руку и зашептал:

– Какая муха вас укусила, Рэйф Перси? Ведь, если вы тронете хоть один волос на его голове, вы погибли!

Не слушая примирительных увещаний губернатора, фаворит нетерпеливо стряхнул с себя его руку.

– Вы будете со мною драться, сэр? – выкрикнул он срывающимся голосом. – Я вас вызываю!

– Но вы же знаете, милорд, теперь я могу не принять ваш вызов, – ответил я.

Он топнул ногой, вне себя от ярости и стыда. Нет, это не был стыд за тот бесчестный, предательский выпад; ему было стыдно из-за того, что его шпага валялась на земле, из-за того, что он мог прочесть в глазах стоящих рядом с ним мужчин (хотя они старались скрыть свои чувства), и из-за откровенного презрения, написанного на том единственном лице, которое что-то для него значило. Затем, явив ту волю, которой он только что хвастал, он овладел собой.

Его побагровевшее лицо вновь обрело свой обычный цвет, тело перестало дрожать, а губы растянулись в принужденной улыбке. В довершение всего он легко разыграл роль этакого прямого и честного солдата, который по чистой случайности впал в заблуждение.

– Ваше виргинское солнце совсем меня ослепило, сэр, – сказал он самым искренним тоном. – Честное слово, мне показалось, что вы уже встали в оборонительную позицию. Прошу вас извинить мою ошибку.

Я поклонился:

– Всегда к вашим услугам, милорд. Я живу в доме здешнего пастора, и посланцу вашей милости не составит труда меня найти. Сейчас мы как раз направляемся туда, поскольку нынче утром жена моя проехала много миль и очень устала. Засим, милорд, позвольте пожелать вам всего наилучшего.

Я еще раз поклонился ему, затем губернатору и подал руку мистрис Перси. Толпа расступилась, и мы прошли сквозь нее до самого конца плаца. Здесь, возле западного бастиона, был пригорок; мы взошли на него и, прежде чем спуститься к переулку, ведущему к дому пастора, остановились и, повинувшись некоему единому чувству, обернулись назад. Жизнь подобна одному из бесконечных итальянских коридоров, искусно расписанных фресками, а человек – это идущий по такому коридору странник. Едва он отрывает взгляд от одной картины, как вместо нее тотчас же возникает следующая. Потом одни затуманиваются в его памяти, других он не помнит вовсе, но есть и такие, что стоит лишь закрыть глаза, и он снова видит их как наяву, до мельчайшей черточки, до малейшего оттенка. Я закрываю глаза – и вижу яркий солнечный свет, синеву небес, блеск реки. На давным-давно сгинувших кораблях вновь белеют паруса, и «Санта Тереса», потопленная два года спустя алжирскими корсарами, вечно стоит

⁵⁴ Уэст, Фрэнсис (1586—1633) – прибыл в Виргинию в 1608 г., в том же году был избран в Губернаторский Совет: в 1612—1617 гг. – комендант Джеймстауна. В 1619 г. был назначен депутатом первого законодательного собрания Виргинии – Палаты депутатов. В 1627—1629 гг. – заместитель губернатора Виргинии.

на якоре там, на Джеймсе. На ее шкафуте и вантах⁵⁵ множество матросов, на корме – капитан с помощниками, над ними развевается английский флаг. Я вижу расстилающийся под нами луг и чуть поодаль – толпу. Все лица подняты, все взоры обращены к нам. Сановники колонии растерянно застыли вокруг человека в черно-алом наряде; одной рукой он вытирает рот, другой сжимает шпагу, подобранную с земли, но так и не вложенную в ножны. И еще я вижу нас двоих на зеленом пригорке: себя и женщину, которая вышла за меня замуж. Она стоит совсем близко, держит меня за руку, но я знаю: она так далека от меня, что нас объединяет только общий враг.

Мы повернулись и сошли по кособокому к заросшей травой улочке и опустевшим домам. Когда толпа на берегу уже не могла нас видеть, она отпустила мою руку и перешла на другую сторону переулочка. Так, в молчании, медленным шагом мы дошли до дома пастора.

⁵⁵ Ванты – снасти, раскрепляющие мачты и стеньги к обоим бортам судна; состоят из толстых смоленых тросов, между которыми вплетены более тонкие тросы, образующие веревочные лестницы.

Глава IX, в которой двое пьют из одного кубка

В дверях нас поджидал мастер Джереми Спэрроу, успевший уже освободиться от своих помятых доспехов. Он радушно улыбался и держал в руках букет.

– Когда выяснилось, что к нам пожаловали не испанцы, а всего-навсего этот королевский любимчик, я незаметно ушел, чтобы приготовить дом к вашему приходу, – весело сказал он. – Примите эти розы, сударыня, и не будьте к ним так жестоки, как к тем, которые я подарил вам в прошлый раз.

Она с улыбкой взяла букет, и мы вошли в дом. Спэрроу показал нам наши апартаменты – три просторные, чисто прибранные комнаты, скудно обставленные, но светлые и уютные. Повсюду были расставлены глиняные горшки со свежими цветами, на столе стояло блюдо, полное больших спелых груш, а в раскрытые окна веял прохладный ветерок, пропитанный ароматом сосен.

– Вот ваши владения, – объявил пастор. – Сам я поселился на втором этаже, в комнате мастера Бака. Ах, как мне хочется, чтобы этот славный человек поскорее выздоровел, вернулся в свой дом и, наконец, освободил меня от бремени всей этой роскоши. Я создан для жизни пустытника и мне негоже жить в таких королевских хором.

Эта искренняя вера в то, что довольство и благополучие противны его природе, и стремление сменить их на келью анахорета представляли собой весьма поучительное зрелище. Впрочем, не менее возвышенными были и его очевидная гордость за свое жилище, глубокое удовлетворение, с которым он показал мне ухоженный тенистый сад, и сердечный восторг, с коим он выставил на стол угощение: огромный пирог и графин вина.

– У меня сегодня пост, – сказал он. – Я положил себе не есть и не пить, покуда не зайдет солнце. Плоть – это могучий великан, исполненный гордыни и желания хорошо пожить, и дух должен постоянно бдить, пользуясь всякой возможностью, чтобы смирять и укрощать своего противника. Тетушка Аллен все еще стоит, разинув рот, в толпе у форта, ваш слуга и служанка вашей супруги еще не прибыли, но если вам что-нибудь понадобится, то я в комнате наверху и весь к вашим услугам. А сейчас мистрис Перси наверняка хочется отдохнуть после долгого путешествия верхом.

Он вышел, и мы остались одни. Она стояла напротив меня у окна, от которого не отходила с тех пор, как мы вошли в комнату. На щеках ее все еще рдел яркий румянец, глаза сверкали, а в руках она по-прежнему держала охапку роз, которые преподнес ей Спэрроу. Я подошел к столу.

– Погодите! – промолвила она, и я снова повернулся к ней. – Вы ни о чем меня не спрашиваете? – проговорила она.

Я покачал головой:

– Нет, сударыня.

– Я сбежала от своего опекуна, а им был сам король! – вскричала она.

Я поклонился, ничего не сказав, хотя видел, что она ждет моих вопросов.

Наконец она заговорила сама – гордо и вместе с тем жалобно:

– Если вы согласитесь меня выслушать... то я расскажу, как вышло, что я... что я причинила вам такое зло!

– Я слушаю вас, сударыня, – ответил я.

Она стояла спиной к свету, прямо держа голову и прижимая к груди букет роз, и глядела на меня своими темными глазами.

– Моя мать умерла, когда я родилась, отец – когда я была еще ребенком. Моим опекуном стал король. Пока королева была жива, я жила с нею; думаю, она меня любила. И король тоже был ко мне добр – он часто просил меня спеть, рассказывал о ведовстве, о Священном

Писании и о том, что бунт против короля есть бунт против Бога⁵⁶. Когда мне было шестнадцать лет, он просватал меня за одного шотландского лорда. Я того джентльмена ни разу не видела, а значит, и не любила. И я попросила короля взять деньги, причитавшиеся ему за устройство моего брака, и оставить мне мою свободу. Он в ту пору был ко мне милостив – и шотландский лорд женился на другой, а я с легким сердцем танцевала на его свадьбе. Время шло, и король по-прежнему был мне добрым господином. Но вот в один черный день при дворе появился милорд Карнэл, и вскоре король стал смотреть на него чаще, чем на милорда Бэкингема. А через несколько месяцев он уже исполнял все, чего бы этот человек ни захотел. Чтобы доставить новому любимцу удовольствие, он позабыл свою прежнюю доброту и даже пренебрег законом. Я была его родственницей и еще не достигла совершеннолетия, когда он объявил мне, что отдаст мою руку тому, кому пожелает. Он желал отдать ее лорду Карнэлу.

Она вдруг умолкла, отвернула от меня лицо и устремила взгляд на косые лучи солнца, падавшие в окно. До сих пор она говорила спокойно, и голос ее, и манера держаться были исполнены какого-то гордого терпения. Но сейчас она стояла и молчала, а я не прерывал молчания, и очень скоро от воспоминаний о перенесенных обидах щеки ее опять залились густым румянцем, а в глазах разгорелся гнев. Внезапно она со страстью воскликнула:

– Что ж, король есть король! Что значит воля подданной против его воли? Что значит сердце женщины против его каприза? Ему и дела не было до того, что рука моя стыла и немела, когда к ней прикасался тот, кому он хотел ее отдать. Что с того, что я не желала этого брака? Ведь воля девушки – ничто! Ее надо просто сломить... Кроме короля у меня не было в жизни опоры. Я была одинока, и я всего лишь женщина, молодая и неискушенная. О, как жестоко они принуждали меня, как изводили... Я была вне себя от гнева! Заступиться за меня было некому. Никто не захотел помочь мне в беде, показать какой-нибудь иной путь спасения, нежели тот, что выбрала я. Всем сердцем, всеми силами своей души я НЕНАВИЖУ этого человека, которого привез нынче королевский корабль! Вы знаете, что я сделала, чтобы избавиться от него, избавиться от них всех. Я бежала из Англии в платье своей служанки, назвавшись ее именем. Под этой личиной я приехала в Виргинию. Я позволила выставить себя на продажу на том лугу за церковью, позволила разглядывать себя, оценивать, словно и впрямь была товаром, за который себя выдавала. Единственного человека, который отнесся ко мне с уважением, я бессовестно обманула. Я позволила ему дать мне свое имя и теперь за этим именем укрываюсь. Я втянула его в свою распрю. Я... о, вы имеете полное право меня презирать. Но вы не сможете презирать меня больше, чем я презираю себя сама!

Я стоял, опираясь рукой на стол и пристально разглядывая тени дикого винограда на полу. Все, что она сказала, было правдой, но я мысленно видел фигуру в черно-алом, красивое смуглое лицо... Я тоже ненавидел милорда Карнэла.

– Я не презираю вас, сударыня, – сказал я наконец. – Того, что совершилось две недели назад на лугу за церковью, уже не изменить. Не будем больше говорить об этом. Все, что я имею, принадлежит вам, хотя кроме шпаги и моего имени у меня есть немного. Первая всегда к услугам моей жены – это разумеется само собой; что до второго, то я горжусь тем, что сохранил его незапятнанным. Теперь оно также и в ваших руках. И я знаю: мне нечего за него бояться.

Говоря, я смотрел в сад за окном, но сейчас взглянул на нее и увидел, что она вся дрожит и шатается, будто вот-вот упадет. Я бросился к ней.

– Розы... – проговорила она, – они такие тяжелые. Ах, как я устала... и комната... плывет.

Я успел подхватить ее и осторожно уложил на пол. На столе стояла вода, и я плеснул немного ей в лицо, смочил губы. Потом кинулся к двери, чтобы позвать на помощь какую-нибудь женщину, и столкнулся с Диконом.

⁵⁶ Ведовство и божественное происхождение королевской власти – излюбленные темы Иакова I. Он даже писал по ним трактаты.

– Наконец-то я доставил сюда эту окаянную клячу, сэр, – начал он. – Ну, скажу я вам... – Тут он оторвал взгляд от моего лица и осекся.

– Не стой как истукан! – скомандовал я. – Иди и приведи первую женщину, какую увидишь.

– Она мертва? – чуть слышно пролепетал он. – Вы ее убили?

– Я ее убил?! Да что ты мелешь, дурак! – заорал я. – Ты что, никогда не видел женского обморока?

– У нее вид, как у покойницы, – пробормотал он. – Я думал...

– Он думал! – вскричал я. – Больно много думаешь! Поди вон и позови кого-нибудь на помощь!

– Тут Анджела, – буркнул он, и не подумав сдвинуться с места.

В комнату быстро и неслышно скользнула черная служанка моей жены, тихая, кроткая женщина с большими коровьими глазами. Когда я увидел, как она опустилась на колени возле своей неподвижно лежащей хозяйки, приподняла ей голову, начала расстегивать корсаж, и ее темное лицо стало таким же нежным, как у любой английской матери, склонившейся над своим ребенком, когда я увидел, как жена моя со слабым стоном прильнула к ее груди, я вполне успокоился.

– Идем! – сказал я и вместе с Диконом вышел из комнаты и закрыл за собою дверь.

Милорд Карнэл был не из тех, кто откладывает дела в долгий ящик. Уже через час ко мне прибыл его картель⁵⁷, доставленный самим секретарем Совета колонии.

Я снял это послание с кончика рапиры достойного мастера Пори и прочел:

«Сэр! Где и в котором часу завтра вы предпочли бы умереть? И каким оружием мне вас убить?»

– Не сомневаюсь, капитан Перси поверит, что лишь с величайшею неохотой я согласился участвовать в деле, направленном против джентльмена и офицера, столь уважаемого в колонии, – произнес мастер Пори, приложив руку к сердцу. – Когда я скажу, что некогда в Париже сражался на дуэли вместе с покойным лордом Карнэлом (нас тогда было трое против троих) и что во время моего последнего пребывания при дворе граф Уорик соблаговолил представить меня нынешнему лорду, капитан Перси, несомненно, поймет, что я никак не мог отказаться, когда последний попросил меня оказать ему услугу.

– Бескорыстие мастера Пори всем известно, – сказал я без тени улыбки. – Если он всегда принимает сторону сильного, то, разумеется, лишь потому, что у него есть на то веские причины. Он весьма меня обяжет, если передаст тому, кто его послал, что самым приятным часом для кончины я всегда почитал рассвет, а самым подходящим местом, по моему мнению, является поле за церковью, поскольку оттуда рукой подать до кладбища. Я слышал, что его милость хорошо владеет шпагой, но и я слышу неплохим фехтовальщиком. Впрочем, если он предпочитает драться на пистолетах или кинжалах, я не против.

– Думаю, мы остановимся на шпагах, – ответил мастер Пори.

Я поклонился.

– Вы будете с другом? – поинтересовался он.

– Надеюсь, – ответил я, – хотя тот, кто согласится стать моим секундантом, подвергнет себя немалой опасности.

– Вы оба намерены биться насмерть, не так ли?

– Насколько я знаю, да.

– Тогда неплохо бы пригласить доктора Бохуна. Выжившему могут понадобиться его услуги.

⁵⁷ Картель – письменный вызов на дуэль.

– Приглашайте, если угодно, – ответил я, – хотя мой слуга Дикон прекрасно справляется с перевязкой моих царапин.

Мастер Пори прикусил губу, чтобы не рассмеяться, но не смог погасить веселые искорки в глазах.

– Я вижу, вы уверены в победе, – заметил он. – Как ни странно, его милость тоже. Ну вот, с формальностями как будто покончено, не так ли? Вы деретесь завтра на рассвете, за церковь, на рапирах?

– Совершенно верно.

Он поспешно засунул свою шпагу в ножны.

– Ну все, с этим делом мы развязались, по крайней мере на сегодня! Как говорится в Писании: «Довольно для каждого дня своей заботы». Ах, черт, как мне жарко! И в горле совсем пересохло... Слушайте, капитан Перси, на войне вы разграбили немало городов, пограбьте-ка для меня винный погребок пастора и принесите сюда его херес. А когда будем причащаться в следующий раз, угощать буду я.

Мы сели на крылечке, поставив между собою вместительный кувшин вина, и мастер Пори пил, пил и пил еще.

– Кстати, каков нынче урожай табака? – спросил он. – Мартин говорил мне, что качеством он много хуже, чем в прошлые года, а сэр Джордж уверяет, что качество отменное.

– Табак получился ничем не хуже испанского, – ответил я. – Можете так и доложить милорду Уорику, когда будете писать ему в следующий раз.

Мастер Пори рассмеялся. Конечно, принципов у него не водилось, он был сущий флюгер и к тому же заодно с кликой лорда Уорика в руководстве Компании, но грешник он был веселый и на редкость приятный в общении. Путешественник, ученый, изрядный философ, еще более изрядный остро слов и первейший приятель и собутыльник для любого нищего с баклажкой эля (правда, лишь до тех пор, пока сосуд не пустел) – мы смотрели косо на многие его деяния, но его общество доставляло нам истинное удовольствие. Если в качестве платы за свои услуги он и отбирал у какого-нибудь бедного фермера половину урожая, то на прощание охотно бросал ему шестипенсовик на выпивку. И если арендаторам земель, пожалованных ему по должности, приходилось забрасывать свои табачные поля, чтобы развезти мастера Пори на лодке в его бесчисленных экспедициях к верховьям рек и речушек Виргинии, то он по крайней мере облегчал их труд, рассказывая им утомительные истории и распевая застольные песни, выученные в тысяче таверн.

– Что урожай! После завтрашнего дня можно будет отписать и про более интересные новости, – сказал он многозначительно. – Знаете, капитан Перси, вы очень смелый человек!

И он скосил на меня свои маленькие, озорно поблескивающие глазки. Я курил трубку и молчал.

– С недавних пор король в нем души не чает, – продолжал меж тем он. – То и дело берет его под руку, перебирает его пальцы, гладит щеку, Бэкингом все это видит, да сделать ничего не может: только кусает губы, и лицо у него делается мрачнее тучи. Так что имейте в виду, Рэйф Перси, завтрашний ваш противник – чародей, такой же могучий, как тот, которого ваш родич Хотспер⁵⁸ встретил в лице Глендауэра⁵⁹. Вот увидите, его чары перенесут вас из

⁵⁸ Хотспер (hot spur – горячая шпора) – прозвище сэра Генри Перси (1364—1403), данное ему за пылкий нрав и воинственность. В 1403 г. Хотспер и его отец, граф Нортумберленд, возглавили восстание против короля Генриха IV. В битве при Шрусбери мятежники были разгромлены, а Хотспер убит.

⁵⁹ Глендаур, Оуэн (ок. 1359 – ок. 1416) – крупнейший из уэльских феодалов; после воцарения Генриха IV поднял восстание за восстановление независимости Уэльса. Сражаясь против короля Англии, Глендаур объединился с Хотспером и другими английскими феодалами-мятежниками. В хронике У. Шекспира «Генрих IV» (ч. 1) Глендаур уверяет Хотспера, что он великий чародей, умеющий вызывать духов, повелевать чертом и т. д.

Джеймстауна напрямик в Тауэр⁶⁰, потом и на эшафот для публичного повешения, потрошения и четвертования⁶¹. Задеть королевского фаворита – это, знаете ли, еще хуже, чем задеть короля. То, что вы вознамерились совершить, есть оскорбление величества, сиречь государственная измена.

Мастер Пори зажег свою трубку, выдохнул большое облако дыма и вдруг громко расхохотался:

– А впрочем, почем знать, может статься, милорд Бэкингем как-нибудь выручит вас из беды. Ей-богу, завтра нам предстоит редкое зрелище: Перси, дерущийся не щадя сил, чтобы оказать услугу Вильерсу⁶²! Эврика! Есть кое-что новое под солнцем, что бы там не говорил Екклезиаст⁶³.

Мастер Пори выпустил еще одно облачко дыма. К этому времени он уже осушил кувшин, щеки его покраснели, глаза увлажнились, и его все чаще разбирал смех.

– А где леди Джослин Ли? – спросил он. – Смогу ли я, перед тем как откланяться, поцеловать ее руку?

Я поглядел на него и холодно ответил:

– В этом доме есть только одна леди – мистрис Перси. Она устала и отдыхает после долгой дороги. Мы только нынче утром приехали из Уэйнока.

Мастер Пори затрясся от смеха.

– Отлично, Рэйф Перси, отлично, вы уже лезете на рожон! – воскликнул он. – Все в один голос твердили, что именно так вы и поступите! Да только какой вам от этого прок, приятель? Ведь все уже известно! Час назад губернатор в присутствии всего Совета колонии зачитал письмо короля. Она – леди Джослин Ли и находится под опекой короля; ее рука и земли предназначены лорду Карнэлу.

– Все это в прошлом, – ответил я. – Теперь она моя жена.

– Вот помяните мое слово: Суд Высокой комиссии⁶⁴ будет с вами не согласен.

Моя шпага лежала у меня на коленях, и я провел рукой по ее потертым ножнам.

– Вот кто со мною согласен, – сказал я. – И еще Тот, кто смотрит на нас с небес. – С этими словами я приподнял шляпу.

– Господь Бог и моя верная шпага! – вскричал мастер Пори. – Что ж, упование, конечно, самое что ни на есть рыцарское, да только в наше время куда надежнее уповать на золото и милость короля. Примите-ка лучше мой совет, приятель, склонитесь перед бурей, и покуда она не минует, ведите себя смирно. Поклянитесь, что вы знать не знали, что она не та, за кого себя выдавала. О, будьте покойны, чтоб не нанести урона даме, суд, конечно, признает, что в некотором роде между вами все-таки был заключен брак, но в нем отыщут столько юридических изъянов, что хватило бы для расторжения тысячи таких браков! Да, самое лучшее тут – это развод! Да и прецедент под рукой имеется, к тому же весьма недавний. Все мы помним, как одну прекрасную даму развели с мужем, человеком достойным и храбрым, чтобы сделать приятное королевскому фавориту⁶⁵. Правда, Фрэнсис Хауэрд желала выйти замуж за того фаворита, в то время как ваша красавица...

⁶⁰ Тауэр – замок-крепость в Лондоне, до 1820 г. главная государственная тюрьма.

⁶¹ Повешение, потрошение и четвертование – особо жестокая казнь, к которой в Англии приговаривали за государственную измену.

⁶² Вильерс – родовое имя герцога Бэкингема.

⁶³ Книга Екклезиаста, или Проповедника (Екклезиаст – проповедник по-гречески), – одна из книг Библии, часть Ветхого Завета, написанная от лица «Екклезиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме». Одно из наиболее известных изречений Екклезиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, – и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9).

⁶⁴ Высокая комиссия – специальный орган, выполнявший в англиканской церкви примерно те же функции, которые в католических странах выполняла инквизиция.

⁶⁵ Речь идет о Роберте Карре, графе Сомерсете (ок. 1590–1645), фаворите Иакова I. Он хотел жениться на жене графа Эссекса (в девичестве – леди Фрэнсис Хауэрд). Благодаря нажиму, оказанному Иаковом I, Фрэнсис Хауэрд получила развод

– Я просил бы вас не связывать имя моей жены с именем этой прелюбодейки! – резко перебил его я.

Он вздрогнул, потом торопливо выпалил:

– Ну полно, полно, я вовсе не хотел вас оскорбить! У меня и в мыслях не было их сравнивать: у сравнений слишком сильный запах. Все при дворе знают, что леди Джослин Ли неприступна, как Бритомарта⁶⁶, и холодна, как Диана⁶⁷.

Я встал и принялся шагать взад-вперед по небольшой лужайке перед дверью.

– Мастер Пори, – начал я наконец, остановившись перед ним, – если, не нарушая данного слова, вы сможете сообщить мне, что говорилось сегодня на Совете и какое он принял решение, то считайте меня своим должником. А платить долги я не забываю.

Некоторое время он молча разглядывал кружево на своей манжете; потом его маленькие, хитрые, веселые глазки взглянули на меня.

– Ну что ж, – ответил он – пожалуй, я могу удовлетворить ваше любопытство. Король требует, чтобы означенную леди немедленно воротили в Англию на том же самом корабле, который так нас сегодня переполошил. Ее надлежит отправить в сопровождении двух слуг и под опекой другого знатного пассажира, сиречь милорда Карнэла. Его Величество не может себе представить, чтобы леди Джослин Ли и в Виргинии продолжала свой безрассудный маскарад. Он почитает невозможным, что она до такой степени забыла свой род, звание и долг, чтобы броситься в объятия какого-нибудь мелкого плантатора или разорившегося искателя приключений, у которого оказалось сто двадцать фунтов дрянного табаку для покупки жены. Если же она все-таки совершила этот безумный поступок, то ее все равно надлежит отослать в Англию, где ее окружают самой нежной заботой, поскольку очевидно, что она пала жертвой колдовства. Тем же кораблем надлежит также отправить и человека, который на ней женился, предварительно заковав его в цепи.

Если он поклянется, что не знал о ее знатном происхождении и высоком положении при дворе и если он не станет чинить препятствий расторжению этого брака, то его с почетом отошлют обратно в Виргинию, дав ему денег на приобретение другой жены. Если же окажется, что согрешил он не по неведению, а с открытыми глазами и к тому же не дает согласия на развод, то ему придется иметь дело с королем и Судом Высокой комиссии, не говоря уже о королевском фаворите. Такова вкратце суть дела.

– А почему послали именно лорда Карнэла?

– Вероятно, потому, что он этого хотел. Лорд Карнэл умеет настоять на своем, а король исполняет все прихоти тех, к кому он привязан. Лорд верховный адмирал, то бишь милорд Бэкингам, наверняка всячески способствовал отъезду соперника, предоставил ему самый лучший королевский корабль и пожелал попутного ветра – вплоть до самого ада.

– Я знал, что она не та, за кого себя выдавала, – сказал я. – И я не дам согласия на развод.

– В таком случае вы, я надеюсь, меня простите, если впредь я буду избегать вашего общества, во всяком случае на людях? – без малейшего смущения осведомился он. – На вас чумные пятна, капитан Перси, и хотя ваши друзья желают вам всяческих благ, им волей-неволей придется сидеть по домам и жечь перед своими дверьми можжевельник, чтобы не подхватить от вас заразу.

– Я вас прощу, – ответил я, – если вы мне скажете, что намерен делать наш губернатор.

– Как раз в этом и состоит загвоздка. Джордж Ирдли – самый упрямый человек из всех, кого я знаю. Когда он впервые сюда явился, у него за душой не было ничего, кроме немалых

и в 1613 г. вышла замуж за графа Сомерсета.

⁶⁶ Бритомарта – богатая дева, одна из героинь поэмы Э. Спенсера (1552—1599) «Королева фей».

⁶⁷ Диана – в римской мифологии богиня Луны. С V в. до н. э. отождествляется с греческой Артемидой, богиней – покровительницей Луны, охоты и целомудрия, которая выпросила у своего отца Зевса позволение не выходить замуж.

личных достоинств и рыцарского звания, которое король пожаловал ему за заслуги. И вот поди ж ты – теперь его почитают здесь чуть ли не оракулом!

Слово сэра Джорджа – закон! И все из-за того позволения резать друг другу глотки на собственный манер, которое он привез вам в прошлом году. Ох уж эта мне парочка непогрешимых – сэр Джордж и сэр Эдвин! Уж лучше бы сразу объявили их святыми, и дело с концом. Так вот, на сегодняшнем заседании Совета наш сэр Джордж встает и, предварив свою речь славным крепким ругательством, говорит примерно следующее: «Повеления короля всегда передавались нам через посредство Компании. Компания повинуетя королю, а мы тут повинуемся Компании. При всем моем уважении, нынешнее требование Его Величества противоречит всем процедурным нормам. Пусть Компания через своего казначея прикажет нам отослать капитана Перси на родину в цепях, дабы он ответил за это странное преступление – женитьбу, пусть Компания прикажет нам отправить тем же кораблем даму, которая теперь наверняка стала его законной женой, и тогда мы обязаны будем подчиниться. Покуда Компания не отдаст нам такого приказа, мы делать ничего не будем, потому что не можем». И все до единого мои коллеги – члены Совета – ответствовали: «Полностью с вами согласен, сэр Джордж» (а я промолчал, поскольку был занят заточкой перьев). Итог этих прений таков – через два дня «Счастливого возвращение» отплывает, везя королю наше смиренное послание, суть коего сводится к тому, что хоть мы и склоняемся перед малейшим желанием Его Величества, словно древесный лист перед дуновением зефира, но в данном случае наши руки связаны. Ибо, согласно хартии, милостиво дарованной нам Его Величеством, мы должны испрашивать разрешение на всякое официальное действие у благородной Виргинской компании, само существование коей зиждется на неукоснительном соблюдении вышеозначенной хартии. Посему, если Его Величеству будет благоугодно передать нам свое повеление как обычно, сиречь через вышеупомянутую Компанию... и далее в том же духе. Разумеется, никто в Совете и вообще в Джеймстауне даже не подозревает о дуэли, которая состоится завтра на рассвете за церковью. – Он выбил пепел из своей трубки и встал, с трудом оторвав свое тучное тело от ступеньки крыльца. – Так что вам предоставлена отсрочка, Рэйф Перси, и вы можете ею воспользоваться, если только завтра утром не убьете вашего противника или не будете убиты сами. В последнем случае проблема разрешится сама собой; если же случится первое, то наилучшим выходом как для вас, так, по-видимому, и для Компании будет ваш добровольный уход из этой бременной жизни, причем желательно побыстрее. Уж лучше могила на перекрестке дорог и деревянный кол, вбитый в мертвое сердце⁶⁸, чем рука палача на сердце живом⁶⁹.

– Пойдите, – прервал я его, – скажите, а милорд Карнэл знает о решении губернатора?

– Да, и оно привело его в ярость. Он бушевал, бранился, угрожал и в конце концов здорово разозлил губернатора. Похоже, он собирался отплыть завтра же, увозя с собою сбежавшую от него даму. Без этой дамы он ехать отказывается и, стало быть, останется в Виргинии до тех пор, пока не добьется своего. Черт меня дери, то-то радости будет у Бэкингема, если Карнэлу придется торчать здесь до второго пришествия! Его милость отлично понимает, чем рискует, и настроение у него самое прескверное. Правда, я постарался его успокоить. «Милорд, – сказал я ему, – вам нужно только потерпеть, и притом недолго, всего лишь несколько недель, покуда корабль, посылаемый губернатором в Лондон, не вернется. И тогда уже все будет так, как вы хотите. А до тех пор вы, возможно, найдете жизнь в нашей глуши сносной и даже приятной, хотя здесь вы и далеки от хорошего общества, которое одно только и скрашивает наше земное существование. Вы сможете каждодневно лицезреть даму, которая должна будет стать вашей женой, а для такого пылкого, не отступающего перед препятствиями влюбленного, как ваша милость, это уже само по себе немало. Если вы убьете своего соперника, то сможете насла-

⁶⁸ В Англии самоубийц хоронили на перекрестках, вбив им в сердце деревянный кол.

⁶⁹ Намек на казнь путем повешения, потрошения и четвертования.

диться видом его могилы, если же он убьет вас, то вам станет совершенно безразлично, когда отплывет «Санта Тереса». Кроме того, здешнему краю присущи многие прелести, способные доставить удовольствие философическому, созерцательному уму, коим несомненно обладает тот, кого сам король почтил своим вниманием. На берегах этих хрустальных потоков и в этих благоухающих лесах, милорд, человек избавляется от ненужных расходов, зависти, презрения, житейской суеты и томления духа».

Старый греховодник громогласно захохотал и долго не мог остановиться. Наконец он ушел, все еще весело смеясь, а я, которому было совсем не до веселья, медленно вошел в дом. В ярде от двери, в тени дикого винограда, густо обвившего ближайшее окно, стояла женщина, которая навлекла на меня эту участь.

– Я думал, вы у себя в комнате, – сказал я резко, нарушив повисшее между нами мертвое молчание.

– Я подошла к окну, – ответила она, – и слышала ваш разговор. – Она говорила сухими губами, запинаясь. Лицо ее было бело как мел, но в глазах горел странный огонь, и она не дрожала.

– Нынче утром вы сказали, что все ваше достояние – имя и шпага – к моим услугам. Вы можете забрать их обратно, сэр. Я отказываюсь от вашей помощи. Клянись, в чем хотите, говорите им, что пожелаете, примиритесь с королем, пока еще не поздно. Я не хочу, чтобы ваша кровь пала на мою душу.

На столе еще оставалось вино. Я наполнил один из кубков и протянул его ей.

– Пейте! – сказал я.

– Вы были со мной так терпеливы, так учтивы, спасибо вам за все! Знайте, я не забуду этого, когда... И не думайте, что я стану вас винить...

Я поднял кубок к ее устам.

– Пейте! – повторил я.

Она чуть пригубила красное вино. Я взял у нее кубок и поднес к своим губам.

– Мы пьем из одного кубка, – промолвил я и осушил его до дна. – Мне наскучили разговоры о шпагах, королях и их дворах. Давайте выйдем в сад и полюбуемся на пчел пастора.

Глава X, в которой мастер Пори тянет время

Ролф приплыл в город вечером того дня, когда к нам прибыла «Санта-Тереса», и я заглянул к нему, прежде чем отправиться спать. Наутро мы пришли на поле за церковью вместе. Нам не пришлось долго ждать, вдыхая холодный предрассветный воздух и прохаживаясь по мокрой от росы траве. Едва красное полукружие солнца появилось между стволами сосен, точно вдруг вспыхнувший костер, к месту поединка явился лорд Карнэл, сопровождаемый мастером Пори и доктором Лоренсом Бохуном.

Мастер Пори со шпагой милорда и Ролф с моей отошли в сторону, чтобы сравнить длину клинков.

Доктор Бохун, бормоча что-то о том, что воздух на рассвете вреден для здоровья, вернулся поплотнее в свой плащ и, ежась, присел между корнями гигантского кедра. Я стоял спиной к церкви и лицом к красным водам реки, отделявшей нас от бескрайнего леса; Карнэл встал в шести футах напротив. Сегодняшний его костюм был так же богат, как и вчерашний, и выдержан в тех же цветах: черном и алом, которые он, по-видимому, предпочитал всем остальным. Великолепный наряд, красивое смуглое лицо, исполненная надменного изящества поза, в которой он ожидал свою шпагу, – что и говорить, милорд Карнэл представлял собой картину, на которую стоило посмотреть.

Наконец вернулись Ролф и секретарь Совета колонии.

– Если ты убьешь его, Рэйф, – шепнул Ролф, беря у меня из рук мой камзол, – приходи тотчас ко мне и делай, что я скажу.

– Знаю, ты попробуешь тайком переправить меня на север, к голландцам. Спасибо, дружище, но я предпочитаю остаться и досмотреть пьесу до конца.

– Ты всегда был своенравным, безрассудным упрямым, может быть, именно оттого я так тебя люблю. Что ж, бог с тобою, поступай, как знаешь, но я не хотел бы быть свидетелем того, что из этого выйдет. Мастер Пори, у нас все готово.

Наш достойный спикер и секретарь медленно наклонился и принялся внимательно разглядывать землю у нас под ногами, нисколько при этом не спеша.

– Что-то мне это место не нравится, – объявил он наконец. – Вот здесь – кротовая кочка, а там в траве – ведьмино кольцо⁷⁰.

– Не вижу ни того ни другого, – сказал Ролф. – По-моему, место ровное, как стол. Но мы можем легко переместиться под кедры – там гладко и нет травы.

– Здесь из земли выступает корень, – возвестил секретарь Совета колонии, когда мы перешли под сень кедров.

Ролф пожал плечами, и мы еще раз поменяли место.

– Тут свет проходит сквозь ветви как-то неравномерно, – опять возразил секундант его милости. – Думаю, нам лучше опять выйти на поле.

Ролф издал раздраженное восклицание, а милорд Карнэл топнул ногой.

– Что за чушь, сэр! – гневно вскричал он. – Земля здесь ровная, а света вполне достаточно, для того чтобы умереть.

– Ну хорошо, бог с ним, со светом, – кротко согласился мастер Пори. – Итак, джентльмены, вы готовы?.. Ах, разрази меня гром! Милорд, я не заметил бантов на башмаках вашей милости! Они такие большие и пышные, что касаются земли по обе стороны стопы. Вы можете споткнуться, ступив на все эти ленты и кружева. Позвольте мне их срезать.

Он извлек из ножен нож и, опустившись на колени, начал неторопливо перерезать нитки, которыми банты были пришиты к тонкой коже тупфель. Во время этих трудов он смотрел

⁷⁰ «Ведьмиными кольцами» называли кольца из грибов, растущих кругами на лужайках.

отнюдь не на банты и не на сердитое лицо милорда Карнэла, а под свой собственный согнутый локоть – в сторону церкви и скрытого за нею города.

Бог знает, сколько времени он перепиливал бы эти нитки, но тут милорд, в число добродетелей которого не входило терпение, вырвался, нагнулся, сам отодрал от башмаков злополучные банты, потом выпрямился и еще крепче стиснул рукоять своей шпаги.

– Одному я все-таки научился в этой проклятой стране – тому, как не надо выбирать себе секунданта! – зло процедил он и повернулся к Ролфу: – Сэр, командуйте вы!

Мастер Пори, несколько не смутившись, поднялся с колен. Выражение на его толстом лице было при этом до странности рассеянное, и он то и дело озабоченно поглядывал в сторону церкви.

– Постойте, джентльмены, – начал было он. – Я только сейчас вспомнил, что...

– Начинайте! – перебил его Ролф.

Королевского фаворита никак нельзя было назвать слабым фехтовальщиком. Раз или два мне даже показалось, что сейчас, как раз тогда, когда я менее всего этого хотел, мне наконец попался равный противник. Но опасение это вскоре рассеялось. Он дрался так же, как и жил, безудержно, безрассудно, используя грубую силу и преодолевая большинство препятствий яростным напором. Скоро я понял, что могу его измотать.

Блеск и звон стали, мгновенные смены позиций, необходимость призвать на помощь глазам и запястью все силы тела и ума, желание победить, стыд перед возможным поражением, ярость, жажда крови – в эти минуты ни одна картина вне утоптанного круга под кедрами не смогла бы просочиться в наше сознание или заставить нас кинуть взгляд в сторону. Внезапное смятение трех свидетелей, огромное облегчение и детская радость, отразившиеся вдруг на физиономии мастера Пори, – ничего этого мы не видели. Оба мы были легко ранены – Карнэл уколол меня в плечо, а я задел его бок. Он сделал отчаянный выпад, я отбил, наши шпаги со звоном скрестились, и тут сверху по ним ударила третья, с такою силой, что посыпались искры.

– Именем короля! – раздался повелительный голос губернатора.

Мы в бешенстве отпрянули друг от друга, тяжело дыша и зло глядя на тех, кто не дал нам спокойно довести дело до желанного конца. Это были губернатор, комендант Уэст и стража.

– Ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, с миром!⁷¹ – воскликнул мастер Пори и уселся под кедром рядом с доктором Бохуном.

– Все, джентльмены, хватит, – сказал губернатор. – У вас обоих уже идет кровь. На этом дуэль закончится.

– С дороги, сэр! – с пеной у рта крикнул лорд Карнэл и поверх вытянутой руки губернатора сделал стремительный яростный выпад, прорывав сквозь зубы: – Получай, новобрачный!

Однако я был начеку, и удар не достиг цели.

Губернатор схватил его за запястье.

– Подымите шпагу острием вверх, милорд, или, видит бог, вам придется отдать ее коменданту!

– Тысяча чертей! – вскричал его милость. – Да знаете ли вы, сэр, кто я такой?

– Да, – веско сказал губернатор, – знаю. Именно поэтому, милорд Карнэл, я и вмешался в ваш поединок. Будь на вашем месте кто-нибудь другой, вы и этот джентльмен могли бы драться хоть до судебного дня, а я бы и пальцем не шевельнул, чтобы вам помешать. Но поскольку вы – это вы, я сделаю все, чтобы не допустить возобновления этой дуэли и, уж поверьте, в средствах стесняться не стану.

С этими словами он отвернулся от Карнэла и подошел ко мне.

⁷¹ Согласно Евангелию от Луки (2: 25-29), эти слова произнес праведник Симеон, увидев Младенца Христа. Ранее Дух Святой предсказал Симеону, что тот не умрет до тех пор, пока не увидит Спасителя.

– С каких это пор вы держите сторону лорда Уорика, Рэйф Перси? – спросил он, понизив голос.

– Я вовсе не на его стороне, – ответил я.

– Неужели? А по виду никак не скажешь, – сказал он с укоризной.

– Я отлично понимаю, что вы имеете в виду, сэр Джордж, – ответил я. – Я знаю: если королевский любимец будет убит или изувечен ударом шпаги на земле Виргинии, Виргинской компании, и без того уже находящейся в немилости, будет нелегко оправдаться перед Его Величеством. Но я думаю, что милорд Саутгэмптон, сэр Эдвин Сэндз и сэр Джордж Ирдли все же справятся с этой задачей, особенно если смогут доставить Его Величеству человека, которого король несомненно сочтет единственным настоящим бунтовщиком и убийцей. Дайте нам довести бой до конца, сэр. Ведь вы можете сейчас удалиться и пребывать в глубоком неведении относительно нашего поединка. Если погибну я, вам нечего будет опасаться. Если погибнет он, что ж, я убежать не стану, а «Счастливого возвращения» отплывает уже завтра.

– А что станет с вашей женой, когда вы оставите ее вдовой? – резко спросил он.

Немного встречал я в жизни людей лучше сэра Джорджа Ирдли, нашего прямодушного, простого и храброго губернатора. Мужество и честность его натуры располагали к доверию, и люди невольно делились с ним своими тайными горестями и заботами, а потом не чувствовали ни страха, ни стыда, так как знали, что мысли его прямые и просты, а речь всегда сдержанна. Я посмотрел ему в глаза и дал прочесть по моему лицу то, чего ни за что не показал бы никому другому.

– Быть может, Господь пошлет ей другого защитника, – сказал я. – Во всяком случае, ей не придется выходить замуж за него.

Сэр Джордж повернулся на каблуках и опять встал между нами.

– Милорд Карнэл и вы, капитан Перси, – начал он, – хорошенько обдумайте то, что я сейчас скажу, поскольку что я скажу, то и сделаю. Выбирайте: либо вы здесь, в моем присутствии, вложите шпаги в ножны, дав мне слово чести не обнажать их друг против друга, покуда король не изъявит свою волю Компании, а Компания не передаст ее нам, и в знак перемирия пожмете друг другу руки; либо время до возвращения корабля с распоряжениями Его Величества и Виргинской компании вы оба проведете в строгом заточении: вы, капитан Перси, в тюрьме, а вы, милорд Карнэл, – в моем собственном бедном жилище, где я приложу все усилия, чтобы ваши дни текли как можно приятнее. Я все сказал, джентльмены. Теперь слово за вами.

Возражений не последовало. Что касается меня, то я знал Джорджа Ирдли слишком хорошо, чтобы пытаться с ним спорить; более того, будь я на его месте, я поступил бы так же. Что до милорда Карнэла, не знаю, какие черные мысли роились в его злобном мозгу, но лицо его выразило неохотное согласие, хотя было оно надменно, мрачно и дышало жаждой мщения. Действуя одновременно, мы медленно вложили шпаги в ножны, потом еще медленнее повторили за губернатором слова краткой клятвы. Лицо сэра Джорджа просветлело от облегчения.

– Возьмитесь за руки, джентльмены, и пойдемте завтракать ко мне домой, где вы будете нападать только на паштет из каплуна да на добрый эль.

В гробовом молчании рука милорда Карнэла и моя соприкоснулись кончиками пальцев.

Теперь уже все вокруг нас было залито солнечным светом, туман на реке быстро таял, всюду распевали птицы, деревья покачивались и шелестели от легкого утреннего ветерка. Со стороны города донеслась барабанная дробь, созывающая прихожан на молитву. Потом в чистом прозрачном воздухе послышался серебристый звон колоколов. Губернатор снял шляпу.

– Давайте все вместе пойдем в церковь, – торжественно проговорил он. – Наши щеки сейчас покраснелись, будто от лихорадки, пульс у всех учащен. Должно быть, есть среди нас и такие, чьи сердца преисполнены досады, гнева и ненависти. По-моему, для тех, кто одержим подобными страстями, не сыскать лучшего места, чем храм. Правда, при условии, что там они не дадут своим чувствам выплеснуться наружу.

Мы вошли и сели на скамью. На кафедре стоял мастер Джереми Спэрроу. Группами и в одиночку в церковь начали входить горожане.

По проходу шествовали закаленные бородатые мужи, солдаты и моряки, видевшие много битв; за ними шли молодые люди: младшие сыновья и младшие братья, промотавшие свою долю наследства; на скамьях для слуг, спотыкаясь в полумраке, рассаживались батраки; женщины входили медленно и тихо, к юбкам некоторых жались дети.

Одна, с лицом, затененным накидкой, вошла в одиночку и так же, отдельно ото всех, опустила на колени. Среди слуг, тараща глаза, стояли один или два черных раба, а сзади всех – ссыльный преступник, из тех, что недавно прислал нам король.

В раскрытые окна лился свет летнего солнца. Мягкий и словно бы душистый, он равно ласкал и поднятое к небу лицо священника, и голову каторжника, и всех, кто сидел между ними. Писание и молитву преподобный Спэрроу читал важно и проникновенно, но, когда запел гимн, голос его возвысился над голосами прихожан, словно глас некоего могучего архангела. Это ликующее пение все еще отдавалось под сводами церкви и звенело в наших сердцах, когда мы читали символ веры.

Когда служба окончилась, прихожане подождали, чтобы первым вышел губернатор. Возле двери он начал уговаривать меня пойти с ним и остальными в его дом позавтракать. Я поблагодарил, но, придумав какую-то отговорку, отказался. После того как он со своим знатным гостем покинул церковный двор, а вслед за тем разошлись и горожане, мы с женой и пастором пошли вместе домой по росистому лугу, окруженные сверкающим великолепием утра, и на всех деревьях, во всех кустах весело и беззаботно щебетали птицы.

Глава XI, в которой я знакомлюсь с итальянским доктором

Лето миновало, пришла осень, виноград сделался темно-фиолетовым, кукуруза – желтой, в лесу поспели орехи, на болота и поросшую тростником реку слетелось несметное множество птиц, а я все еще жил в Джеймстауне, жена моя оставалась со мною, и «Санта-Тереса» по-прежнему стояла на якоре под стенами форта. Человек, который на ней приплыл, знал, что задержка с возвращением в Лондон может стоить ему расположения короля, и, однако, с мужеством, достойным лучшего применения, продолжал медлить.

Время от времени в Джеймстаун приходили корабли, но то были небольшие суденышки. Большинство из них покинуло Англию еще до отплытия «Санта-Тересы», остальные принадлежали купцам, покупающим в Виргинии бочарную клепку и древесину американского лавра и не осведомленным о том, что происходит при дворе. Только «Морской цветок», вышедший из Лондона через две недели после «Санта-Тересы» и надолго задержанный в пути встречными ветрами, привез письмо от помощника казначея Компании, адресованное губернатору и Совету колонии. Его содержание я узнал от Ролфа. В нем говорилось о том, сколько шума наделал при дворе внезапный отъезд королевского фаворита. «Никто не знает, куда он исчез. Король стал мрачен; поговаривают, что Тайный совет так же теряется в догадках, как и все прочие. Милорд Бэкингем не говорит ничего, но число его приверженцев, несколько сократившееся за последние месяцы, умножилось настолько, что приемные его милости не могут вместить толпы тех, кто является засвидетельствовать ему свое почтение. Одни утверждают, что лорд Карнэл бежал из королевства, чтобы избежать заключения в Тауэр; другие – что король послал его с миссией в Испанию; третьи полагают, что ему взбрело в голову отправиться в Америку, чтобы найти легендарную золотую шахту Роли⁷²

⁷² Роли, сэр Уолтер (1554—1618) – английский мореплаватель, организатор пиратских экспедиций против Испании, поэт, драматург, историк. В 80-е гг. фаворит королевы Елизаветы I. В 1684 г. Роли пытался основать английскую колонию в Северной Америке, но его попытки были безуспешны; осталось только название, которое он дал колонии – Виргиния. Именно Роли ввез в Европу картофель и табак. Роли действительно искал и обнаружил золотые шахты, но не в Северной Америке, а в Южной. Обвиненный в заговоре против Иакова I, Роли был заключен в Тауэр и в конце концов казнен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.